HD718
.K28

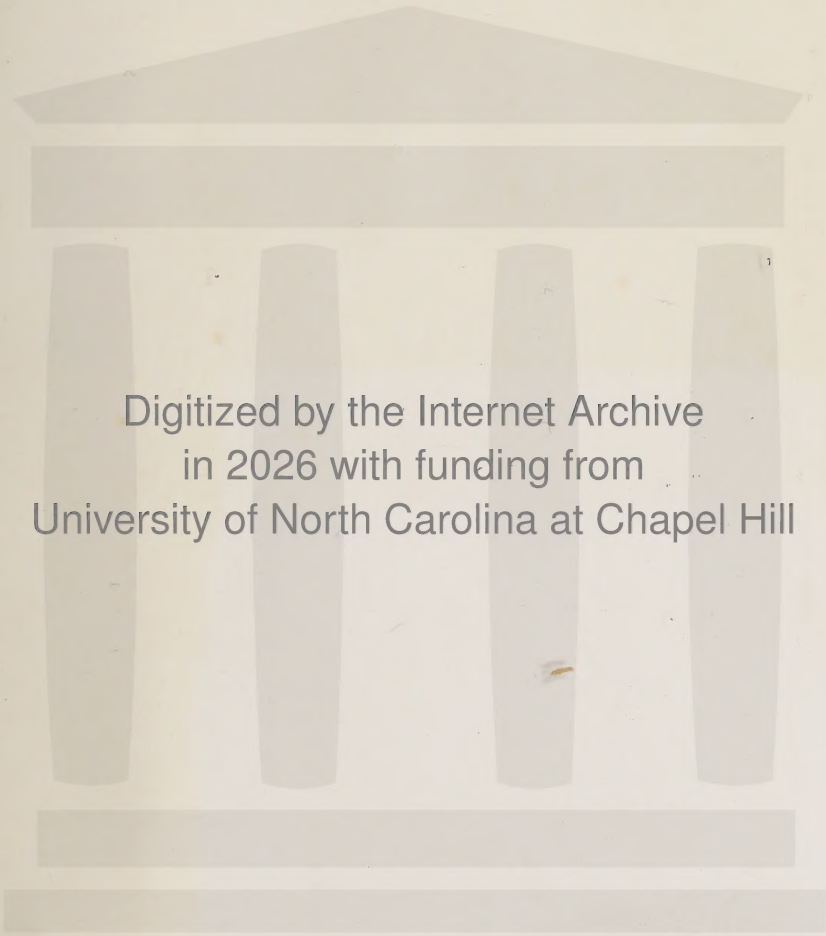
Dokumenty i zhivaia istoriia
russkoi obshchiny.

A. A. Kaufman

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

HD718
.K28


Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/dokumentyizhivai00kauf

2390 и/70

Отъ автора.

А. А. КАУФМАНЪ.

ДОКУМЕНТЫ

и

ЖИВАЯ ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

(Историко-критическій очеркъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.

А. А. КАУФМАНЪ.

HC
C
HD 718
.K28

ДОКУМЕНТЫ

и

ЖИВАЯ ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

(Историко-критическій очеркъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1904 г.

ДОКУМЕНТЫ И ЖИВАЯ ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩИНЫ.

(Историко-критическій очеркъ [1]).

Среди множества спорныхъ вопросовъ русской исторіи едва ли найдется болѣе спорный, нежели вопросъ о происхожденіи современной русской поземельной общины и характерныхъ для нея формъ уравнительно-душевого пользованія землею. Вотъ уже сорокъ пять лѣтъ, какъ предметъ спора поставленъ съ совершенною ясностью, и какъ рѣзко высказаны два діаметрально противуположныхъ, другъ друга исключающихъ взгляда: съ одной стороны—взглядъ Гакстгаузена, Аксакова и Бѣляева, по мнѣнію которыхъ общинное землевладѣніе—характерная черта славянскаго и въ частности—русскаго племени, и, что главное, принятая у русскихъ крестьянъ система равнаго дѣлежа земли общинъ основана „на первоначальной идеѣ единства общины и равенства правъ каждаго члена на соотвѣтствующую долю земли, принадлежащей общинѣ“; съ другой — взглядъ Чичерина, полагавшаго, что первобытная община на Руси была безповоротно и безслѣдно разрушена вторженіемъ новыхъ стихій, разложившихъ патріархальныя родственныя отношенія, и что современная русская община „не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ“. Сорокъ пять лѣтъ прошло,— и несмотря на огромные успѣхи русской исторической науки, на колоссальные запасы новыхъ фактовъ, освѣтившихъ вопросъ о происхожденіи общины въ нѣкоторыхъ совершенно новыхъ направленіяхъ,

---

[1]) Было доложено въ историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ 3-го декабря 1903 года.

вопросъ этотъ остается по прежнему открытымъ, и взаимно другъ друга исключающіе взгляды по прежнему находятъ одинаково многочисленныхъ и авторитетныхъ сторонниковъ. Въ видѣ примѣровъ укажу съ одной стороны на П. А. Соколовскаго [1]), высказывающаго твердое убѣжденіе въ томъ, что „въ доземледѣльческій періодъ общинное землевладѣніе среди русскихъ племенъ было обычной формой земельныхъ отношеній“, и что „зародышъ общины таится въ дали доисторическихъ временъ, отъ которыхъ русскій земледѣлецъ унаслѣдовалъ готовыми общинные инстинкты“; на А. С. Лаппо-Данилевскаго [2]), полагающаго, что „происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы котораго стали мало-по-малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами; общность экономическихъ интересовъ выражалась въ существованіи общинной поземельной собственности, которая, съ постепеннымъ переходомъ правъ на собственность къ великому князю, мало-по-малу смѣнилась потомственнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Неопредѣленныя границы этой собственности вызывали захватный способъ землевладѣнія; въ кое-какихъ мѣстностяхъ, болѣе населенныхъ, при ближайшемъ опредѣленіи границъ поземельныхъ владѣній общины, онъ превращался въ общинное землевладѣніе со свойственнымн ему краткосрочными или долгосрочными передѣлами“... Назову еще автора новѣйшей сводной работы о русской общинѣ, А. А. Чупрова [3]), который, основываясь на трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей современныхъ формъ землевладѣнія на европейскихъ и азіатскихъ окраинахъ Россіи, видитъ въ общинно-уравнительныхъ формахъ естественный продуктъ внутриобщинной классовой борьбы, результатъ естественной эволюціи, либо идущей (какъ въ Сибири) непосредственно отъ первобытныхъ захватныхъ формъ, либо проходящей чрезъ ступень застывшаго въ подворное владѣніе долевого землепользованія,—а всякаго рода внѣшнимъ воздѣйствіямъ придаетъ лишь второстепенное или даже третьестепенное значеніе. На противуположной сторонѣ мы находимъ, напримѣръ, П. Н. Ми-

---

[1]) „Очеркъ исторіи сельск. общины на сѣверѣ Россіи“, С.-Пб., 1877 г., стр. 60, 66, 72, 80, 110; „Экон. бытъ земледѣльч. населенія Россіи и колонизація ю.-в. степей предъ крѣп. правомъ“, С.-Пб., 1878 г., стр. 55, 123, 135 и др.

[2]) Организація прямого обложенія, С.-Пб., 1890 г., стр. 76—77.

[3]) *Alex. Tschuprow.* Die Feldgemeinschaft, Strassburg, 1902, стр. 114, 126, 130, 132.

люкова [1]), по убѣжденію котораго „не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-нибудь первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее, сравнительно, происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины. По существу своему русская община, по мнѣнію г. Милюкова, есть принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія лежащихъ на ней платежей и повинностей и обезпечивающая себѣ эту исправность уравненіемъ повинностей съ платежными средствами каждаго члена". Эта тяглая община превращается въ хозяйственную, земельную, прежде всего на земляхъ частныхъ собственниковъ, у крѣпостныхъ крестьянъ; затѣмъ, уже позднѣе, „правительство старается распространить этотъ обычай и на свободное крестьянство русскихъ окраинъ", что̀ ему, въ концѣ концовъ, и удается,—и въ конечномъ результатѣ „русская община есть поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія". Не менѣе категорически высказывается въ томъ же смыслѣ проф. Сергѣевичъ въ недавно вышедшемъ III томѣ своихъ „Древностей русскаго права" [2]). Г. Сергѣевичъ безъ оговорокъ принимаетъ взглядъ Б. Н. Чичерина, поскольку онъ „приписываетъ возникновеніе общины правительственнымъ мѣропріятіямъ, а потому и называетъ ее государственной". Крестьянскія общинныя земли—результатъ конфискаціи государствомъ у частныхъ лицъ земель, которыя затѣмъ предоставлялись въ прекарное владѣніе крестьянъ. Единство общины создавалось оброкомъ, который возлагался на цѣлое крестьянское общество волости или нѣсколькихъ волостей; благодаря этому „въ крестьянскихъ обществахъ возникаютъ общія дѣла по управленію оказавшимися въ ихъ владѣніи землями и угодьями",—при чемъ „общій оброкъ, налагаемый отдѣльно на цѣлый рядъ селъ и деревень, долженъ былъ повести къ равномѣрному распредѣленію угодій между разными селами и деревнями. На этомъ и останавливаются успѣхи общиннаго землевладѣнія въ до-петровской Руси; равные надѣлы тяглецовъ и періодическіе передѣлы земель по ихъ числу составляютъ послѣдствіе подушной подати",—въ до-петровскую же эпоху „обязательнаго надѣла землей не было, и каждый крестьянинъ бралъ участокъ такихъ раз-

---

[1]) „Очерки по исторіи русск. культуры", 4-е изданіе, С.-Пб., 1900 г., стр. 139 и сл., 204—206, 224—225.

[2]) Стр. 123, 362—4, 423.

мѣровъ, какіе были ему нужны. Повинности передѣлялись по землѣ, а не земля нарѣзалась для платы повинностей".

Такимъ образомъ, въ результатѣ почти полувѣковой исторіи вопроса о происхожденіи общины, этотъ вопросъ не приблизился, можно сказать, ни на шагъ къ своему рѣшенію, и ни одно изъ взаимно другъ друга исключающихъ мнѣній пока не собирается уступить поле сраженія мнѣнію противоположному. И уже самая авторитетность тѣхъ именъ, которыя мы находимъ на сторонѣ каждаго изъ этихъ взглядовъ, заставляетъ поставить себѣ вопросъ: въ чемъ *коренная причина, первоисточникъ* этого разногласія? Я позволяю себѣ думать, что первоисточникъ этотъ—*въ самомъ свойствѣ матеріаловъ, на которыхъ историкамъ, по существу дѣла, приходится основывать свои заключенія*,—что *частный* историческій вопросъ о происхожденіи нашей крестьянской общины связывается съ весьма важнымъ *общимъ* историко-методологическимъ вопросомъ—о значеніи разныхъ категорій источниковъ, какъ основы историческаго познанія. Намеки на подобнаго рода постановку даннаго вопроса уже имѣются въ литературѣ. Такъ, А. А. Чупровъ, въ уже цитированной своей книгѣ [1]), обращается, ради выясненія дѣйствительнаго характера эволюціи общины, къ непосредственному наблюденію современной жизни, гдѣ „нѣтъ необходимости прибѣгать къ гипотетическимъ построеніямъ на невѣрной основѣ недостаточныхъ или неясныхъ показаній историческихъ источниковъ"; извѣстный экономистъ, г. В. В., въ недавно вышедшей своей исторической работѣ [2]), прямо высказываетъ, что „существующія въ нашей литературѣ разногласія по вопросу о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи обусловливаются, главнымъ образомъ, крайнимъ недостаткомъ относящагося сюда фактическаго матеріала". Я позволяю себѣ думать, что разногласія эти обусловливаются не только *недостаткомъ*, но и *самымъ свойствомъ матеріала*, съ которымъ приходится имѣть дѣло историку; что этотъ матеріалъ *неизбѣжно долженъ приводить*, въ данномъ вопросѣ, *къ неполному и односторонему*, притомъ въ одну опредѣленную сторону, *освѣщенію фактовъ исторической дѣйствительности*.

Исторія русскаго общиннаго землевладѣнія, какъ извѣстно, строится всецѣло на разнаго рода актахъ, вообще на документальномъ ма-

---

[1]) Назв. соч., стр. 115; см. также мою книгу „Крестьянск. община въ Сибири", С.-Пб. 1897 г., стр. I.

[2]) „Къ исторіи общины въ Россіи", М. 1902 г., стр. 7.

теріалѣ. Сторонники теоріи естественнаго развитія формъ общиннаго землепользованія ищутъ въ этомъ матеріалѣ слѣдовъ когда-то происходившихъ передѣловъ. Сторонники фискально-государственной теоріи въ немъ же ищутъ доказательства тому, что община создана правительственными распоряженіями. Но тѣ и другіе знаютъ лишь тѣ факты, которые оставили слѣдъ въ какомъ-нибудь актѣ или документѣ, сохранившемся до нашего времени, и отвергаютъ или вѣрнѣе—не знаютъ тѣхъ фактовъ, которые не оставили достаточно достовѣрнаго документальнаго слѣда [1]). „Отсутствіе въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ—говоритъ, напримѣръ, проф. Сергѣевичъ [2])—указаній на землевладѣніе крестьянскихъ общинъ имѣетъ рѣшающее значеніе по вопросу о земельной собственности крестьянскихъ общинъ. Если ни въ одномъ изъ 172 погостовъ, подробно описанныхъ въ древнѣйшихъ книгахъ, не было ни одного клочка, принадлежавшаго крестьянскимъ общинамъ, если въ книгахъ конца XVI вѣка сохранились еще указанія на конфискацію частной земельной собственности и ни одного—на принадлежность земли крестьянскимъ общинамъ, то потому, надо думать, что такихъ собственниковъ въ Новгородѣ и не было“ [3]). Крестьянамъ принадлежало прекарное владѣніе. Но „кому

---

[1]) Общій характеръ построеній сторонниковъ государственно-фискальной теоріи хорошо очерченъ въ слѣдующихъ словахъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ Россіи, г. Иванова. „Измѣненіе взгляда на объемъ власти общины—говоритъ онъ, имѣя въ виду крайнихъ послѣдователей теоріи Б. Н. Чичерина,—отчасти обусловлено почти совершеннымъ отсутствіемъ матеріала, безспорно доказывающаго наличность у волости такихъ правъ, какихъ нельзя было бы объяснить изъ тяглыхъ отношеній. Существованіе передѣловъ подвергнуто сомнѣнію вслѣдствіе того, что всѣ имѣвшіяся въ рукахъ данныя о нихъ относились къ вотчинной Россіи; а наличность неограниченнаго права распоряженія у сѣверныхъ крестьянъ препятствовала принять положенія, выработанныя на основаніи этихъ документовъ“. *Ивановъ*, Поземельн. союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ. Древности; труды арх. коммиссіи Имп. Моск. арх. общ., т. II, вып. 2, стр. 196.

[2]) Назв. соч., стр. 30—31.

[3]) Эта выдержка приводится исключительно, какъ примѣръ вывода, основаннаго всецѣло на отсутствіи документальныхъ указаній на извѣстный фактъ. Самъ по себѣ вопросъ о томъ, принадлежало ли общинамъ право собственности на землю, или только прекарное владѣніе, не имѣетъ прямого отношенія къ предмету настоящаго очерка, которымъ являются не *юридическія основы землевладѣнія*, а *бытовыя формы землепользованія:* какъ признаетъ и проф. Сергѣевичъ, признаніе права собственности за государствомъ не исключало возможности развитія общиннаго землепользованія на почвѣ прекарнаго владѣнія землею,—а по приводимому ниже мнѣнію Б. Н. Чичерина, раздѣляемому и многими изъ новѣйшихъ сторонниковъ

принадлежало это прекарное владѣніе—цѣлой общинѣ или отдѣльнымъ крестьянамъ? По писцовымъ книгамъ отдѣльные участки показаны за отдѣльными крестьянами; они, надо полагать, и суть владѣльцы этихъ участковъ, а не община",—хотя въ то же время проф. Сергѣевичъ не отрицаетъ наличности условій (именно — общности оброка), при которыхъ могла зародиться мысль о правахъ цѣлой общины на земли и воды царя и великаго князя [1]). Г-жа Ефименко упоминаетъ о нѣкоторыхъ намекахъ и указаніяхъ актовъ, дающихъ основаніе предполагать существованіе на сѣверѣ свободныхъ черныхъ общинъ. Но противъ этого предположенія — говоритъ она — „стоитъ грозная и несокрушимая твердыня писцовыхъ книгъ: исключительное значеніе этихъ документовъ для рѣшенія вопросовъ подобнаго рода не можетъ подлежать никакому спору, никакому сомнѣнію. Писцовыя же книги не даютъ ни малѣйшихъ основаній предполагать такія общины черныхъ людей" [2]). „Во всѣхъ документахъ XVI вѣка—говоритъ, наконецъ, одинъ изъ новѣйшихъ историковъ-экономистовъ, Н. А. Рожковъ [3])—мы тщетно стали бы искать сколько-нибудь ясныхъ и обильныхъ слѣдовъ порядковъ, примѣняемыхъ въ современномъ крестьянскомъ мірскомъ землевладѣніи",—и отсутствіе такихъ слѣдовъ, при наличности документальныхъ указаній противуположнаго характера, принимается за достаточное основаніе для совершенно опредѣленнаго и категорическаго рѣшенія даннаго вопроса. Quod non est in actis, non est (или non fuit) in mundo, какъ когда-то говорили римскіе юристы.

Позволительно, однако, поставить вопросъ, не впадаютъ ли историки, въ данномъ случаѣ, въ ту самую ошибку, противъ которой предо-

---

„государственной теоріи", принадлежность земли государству или частному лицу была даже условіемъ, значительно облегчавшимъ переходъ къ уравнительно-душевому пользованію,—по мнѣнію нѣкоторыхъ—даже необходимымъ условіемъ возможности подобнаго перехода.

[1]) Стр. 33.

[2]) „Изслѣдованія народной жизни, т. I", М. 1884, стр. 196. Г. Ивановъ, въ уже цитированной работѣ, такъ характеризуетъ общее построеніе г-жи Ефименко: „сдѣлавши предположеніе, что его источниками исчерпывается весь матеріалъ, какой только могла дать исторія сѣвернаго землевладѣнія, онъ (авторъ) строитъ теорію происхожденія всѣхъ поземельныхъ организацій сначала для сѣвера, а впослѣдствіи распространяетъ свои выводы на всю остальную Россію — отрицаетъ существованіе бо̀льшихъ, чѣмъ деревня, поземельныхъ союзовъ, наконецъ указываетъ дальнѣйшую судьбу найденной имъ, на сѣверѣ, долевой деревенской организаціи" (l. c., стр. 197).

[3]) Сельское хозяйство Моск. Руси въ XVI вѣкѣ, М. 1899, стр. 201.

стерегаютъ Ланглуа и Сеньобосъ въ своемъ „Введеніи въ изученіе исторіи“. „Къ авторамъ историческихъ источниковъ—говорятъ названные авторы [1])—примѣняется судебная процедура, классифицирующая свидѣтелей на правоспособныхъ и неправоспособныхъ; разъ допустивъ свидѣтелей, считаютъ себя обязанными соглашаться со всѣми ихъ показаніями. . . . Инстинктивно берутъ сторону автора (вѣрнѣе—историческаго источника), котораго считаютъ достойнымъ довѣрія, и въ концѣ концовъ, какъ и въ судахъ, заявляютъ, что „обязанность представить улику“ лежитъ на томъ, кто отвергаетъ „законнаго свидѣтеля“; иначе сказать—„подлинность“ документа вызываетъ къ нему уваженіе и понуждаетъ принимать безъ разсужденій и его содержаніе, — „*подлинность* инстинктивно принимается за синонимъ *достовѣрности*“ [2]). А между тѣмъ „выраженіе подлинный относится, въ сущности, только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ „подлиннымъ“ значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію,—но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія“.

Было бы, конечно, странно отвергать значеніе документовъ, актовъ, какъ источника историческаго знанія. „Документы (Ueberreste)—говоритъ Бернгеймъ [3])—если оставить въ сторонѣ поддѣлки, легко обнаруживаемыя внѣшнею критикою,—не подвержены субъективному извращенію заключающихся въ нихъ свидѣтельствъ, тогда какъ свидѣтельства преданія, другими словами, источники повѣствовательнаго, описательнаго или повѣствовательнаго характера (Tradition) могутъ быть повреждены или извращены многочисленными субъективными вліяніями. Поэтому, методика различно относится къ вопросамъ этихъ двухъ категорій: документы она можетъ, не колеблясь (ohne Weiteres), принимать за доказательства (Beweismomente) извѣстнаго факта; по отношенію къ свидѣтельствамъ преданія она должна принимать особыя мѣры, чтобы въ каждомъ случаѣ познать и по возможности элиминировать искажающія субъективныя вліянія“. „Чѣмъ дальше притомъ документы отходятъ отъ политической сферы, тѣмъ чище и исключительнѣе ихъ характеръ, какъ документальныхъ свидѣтельствъ о фактахъ (Ueberreste); таковы документы административнаго и законодательнаго характера, документы, касающіеся частноправовыхъ сдѣлокъ, судебные

---

[1]) Цитирую по переводу Серебряковой, изд. Поповой, С-Пб. 1899, стр. 127.

[2]) Стр. 128, 134.

[3]) *E. Bernheim*, Lehrbuch der histor. Methode, 3-te Aufl., 1903, стр. 430.

акты и т. п.“ [1]). И, тѣмъ не менѣе, „документальные слѣды историческихъ фактовъ, хотя и представляютъ собою непосредственныя свидѣтельства, но отнюдь не всегда съ несомнѣнностью устанавливаютъ факты. Въ документахъ и дѣловыхъ бумагахъ *событія довольно часто изображаются* [2]), по какимъ-либо побужденіямъ, *иначе, нежели происходили въ дѣйствительности*“; съ другой стороны „*матеріалъ во многихъ случаяхъ сохранился въ столь неполномъ видѣ, что случайно сдѣлавшіеся намъ извѣстными документы даютъ одностороннее или даже совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ событіяхъ*“ [3]). Въ частности, документъ, даже безусловно достовѣрный, далеко не всегда свидѣтельствуетъ о фактѣ: „Нерѣдко случается—говоритъ въ другомъ мѣстѣ [4]) Бернгеймъ,—что *документы и акты совершены въ законномъ порядкѣ* (ausgefertigt und vollzogen),—а между тѣмъ, *событія*, къ которымъ они относятся или которыя должны были явиться ихъ послѣдствіемъ, *въ дѣйствительности не имѣли мѣста*... Документы остаются несомнѣнными свидѣтельствами; но то *заключеніе*, которое я дѣлаю на основаніи этихъ документовъ,—именно, что извѣстныя событія въ дѣйствительности наступили,—*является преждевременнымъ* (voreilig) *и должно быть подтверждено другими источниками, которые свидѣтельствовали бы, что данныя событія дѣйствительно наступили въ согласіи съ указаніями документовъ*“. Въ конечномъ результатѣ—по мнѣнію Бернгейма [5])—„*документы и акты очень часто только тогда дѣлаются понятными, когда мы ихъ интерпретируемъ при помощи источниковъ повѣствовательнаго характера*“, иначе — при помощи историческаго преданія, и это, между прочимъ, потому, что, „возникнувъ изъ извѣстныхъ отношеній, *документы, по большей части, вовсе и не преслѣдуютъ цѣли быть понятными во всѣ времена*, и предназначаются для пониманія лишь непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ (Interessenten)“.

Историкъ, изучающій отдаленное прошлое русской земельной общины, лишенъ, повидимому, возможности интерпретировать сохранившійся отъ тѣхъ временъ неполный и отрывочный, нерѣдко неясный документальный метеріалъ при помощи свидѣтельствъ историческаго преданія. Но „живая исторія“ русской общины, другими словами, изу-

[1]) Стр. 442.
[2]) Всѣ курсивы мои. *А. К.*
[3]) Стр. 176.
[4]) Стр. 495.
[5]) Стр. 562.

ченіе современныхъ или весьма недавнихъ явленій эволюціи формъ землевладѣнія на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, открываетъ передъ нами полную возможность подобнаго рода интерпретаціи, такъ какъ располагаетъ, кромѣ тоже неполнаго и тоже иногда неяснаго документальнаго матеріала, весьма обширнымъ описательнымъ матеріаломъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ изслѣдованій; этотъ матеріалъ можетъ служить провѣркою показаній документовъ, и сопоставленіе съ нимъ проливаетъ яркій свѣтъ на ихъ значеніе [1]). Я, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы тѣ выводы, которые даетъ, въ „живой исторіи", интерпретація документовъ свидѣтельствами источниковъ описательнаго характера, могли быть непосредственно распространены на отдаленное прошлое. Но мнѣ кажется, что подобнаго рода интерпретація способна *въ принципѣ* выяснить степень достовѣрности сужденій, основанныхъ на документахъ, и потому поможетъ разобраться и въ общемъ вопросѣ о внутренней достовѣрности документовъ, какъ источника изученія отдаленнаго прошедшаго русской земельной общины.

Позволю себѣ начать съ примѣра, относящагося къ совершенно другой, хотя и близкой области,—съ нѣсколькихъ фактовъ, которые меня лично впервые заставили задуматься надъ вопросомъ о значеніи основанныхъ на документальномъ матеріалѣ историческихъ заключеній.

Въ 1896 году мнѣ пришлось произвести мѣстное изслѣдованіе арендныхъ отношеній русскихъ поселенцевъ на киргизскихъ земляхъ Тургайской области [2]). Не входя въ особыя подробности, достаточно сказать, что дѣйствующій здѣсь съ 1891 года законъ, урегулировавшій, между прочимъ, земельныя права и отношенія киргизъ, создалъ, въ отношеніи аренды киргизскихъ земель, странную юридическую аномалію: онъ предоставилъ, именно, право сдачи земель въ аренду исключительно киргизскимъ *волостнымъ* съѣздамъ и потребовалъ, чтобы выручаемыя отъ сдачи деньги обращались на общественныя надобности киргизскихъ *волостей*. Между тѣмъ, киргизская волость—исключительно *административная*, а *не земельная* единица; по землевладѣнію киргизы группируются въ совершенно иные общественные союзы—родовые или хозяйственные аулы, а нѣкоторыя угодья, мѣстами, состоятъ во владѣніи даже отдѣльныхъ домохозяйствъ. Получается такое

---

[1]) *Tschuproff*, назв. соч., стр. 115; *моя* „Крест. община въ Сибири", стр. I.

[2]) См. мою книгу „Переселенцы-арендаторы Тургайской обл.", СПБ. 1897, главн. обр. стр. 38—50.

положеніе: лица и группы, въ дѣйствительности владѣющія землею, лишены права сдавать ее въ аренду,—а волостной союзъ, имѣющій это право, не владѣетъ ни пядью земли, которая могла бы быть объектомъ сдачи. Между тѣмъ, въ Тургайской области уже во время изданія закона сидѣли и съ каждымъ годомъ подходили вновь многія тысячи русскихъ поселенцевъ, и эти тысячи людей не имѣли другого способа устраиваться, какъ на арендованной землѣ. Естественно, что жизнь должна была создать какой-либо выходъ изъ созданнаго упомянутою выше юридическою аномаліею невозможнаго положенія. И дѣйствительно, при молчаливомъ согласіи администраціи, выработались разнообразные обходы закона. Въ одномъ изъ двухъ колонизаціонныхъ районовъ области, Актюбинскомъ, арендныя сдѣлки были приведены въ формальное согласіе съ требованіями закона: земля сдавалась по приговорамъ волостныхъ съѣздовъ, и деньги вносились арендаторами въ волостныя кассы. Но эти деньги составляли обыкновенно только небольшую часть дѣйствительной арендной платы; остальное поступало въ пользу дѣйствительныхъ владѣльцевъ сдаваемой въ аренду земли, отъ согласія которыхъ зависѣла и самая сдача. Въ Кустанайскомъ районѣ выработался другой способъ обхода закона; аренды стали облекаться въ форму фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ, которыя разсматривались администраціею не какъ запрещенные закономъ договоры аренды, а какъ договоры найма, съ вознагражденіемъ за трудъ извѣстною долей обработанной пашни. За кулисами, однако, киргизъ словесно или даже письменно обязывался передать испольщику и свою треть или половину обработанной земли за извѣстное, заранѣе условливаемое денежное вознагражденіе, и такимъ образомъ мнимая испольщина сводилась къ простой денежной арендѣ. Въ большомъ ходу были и прямыя нарушенія закона: вопреки категорическимъ постановленіямъ послѣдняго, множество крестьянъ продолжало арендовать землю, безъ всякаго прикрытія, у отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ или мелкихъ ауловъ; такія аренды происходили, чаще всего, на основаніи простого словеснаго соглашенія; иногда арендаторы даже брали отъ сдатчиковъ расписки, которыя, однако, какъ лишенныя законной силы, нигдѣ не регистрировались и, большею частью, уничтожались по истеченіи срока аренды.

Будущему историку русскихъ аграрныхъ отношеній будетъ, конечно, не трудно составить себѣ правильное понятіе о дѣйствительномъ характерѣ описанныхъ только-что, въ самыхъ общихъ чертахъ, явленій. Если онъ и будетъ обращаться къ подлиннымъ документамъ, то будетъ

ихъ интерпретировать при помощи результатовъ произведеннаго мною мѣстнаго изслѣдованія. Но предположимъ, что эти результаты утратились, и что историкъ, скажемъ, XXIII вѣка долженъ писать исторію арендныхъ отношеній въ Тургайской области на основаніи однихъ только документовъ, сохранившихся въ архивахъ областного правленія, уѣздныхъ управленій, волостныхъ правленій и т. п.; допустимъ еще, что ему не посчастливилось напасть на тѣ немногія бумаги, въ которыхъ имѣются указанія на фиктивный характеръ большинства испольныхъ сдѣлокъ и приговоровъ волостныхъ съѣздовъ. Этотъ историкъ нарисовалъ бы совершенно, можетъ быть, вѣрную документамъ, но совершенно невѣрную дѣйствительности картину: онъ необходимо пришелъ бы къ убѣжденію, что киргизская волость дѣйствительно была *земельною* единицей, и ничего не узналъ бы о значеніи, въ данномъ вопросѣ, мелкихъ ауловъ и отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ—этихъ дѣйствительныхъ владѣльцевъ и сдатчиковъ земли; онъ совершенно невѣрно изобразилъ бы хозяйственныя отношенія киргизъ и переселенцевъ, какъ основанныя преимущественно на испольномъ наймѣ первыми послѣднихъ на земледѣльческія работы; наконецъ, онъ пришелъ бы къ совершенно невѣрнымъ заключеніямъ относительно арендныхъ цѣнъ на киргизскія земли. *Отъ всѣхъ этихъ ошибокъ избавляетъ только интерпретація документовъ при помощи воплощеннаго въ данныхъ мѣстахъ изслѣдованія описательнаго матеріала.*

Перехожу теперь къ „живой исторіи общины“,—именно къ даннымъ обширныхъ изслѣдованій крестьянскаго землепользованія и хозяйства, произведенныхъ въ минувшее двадцатилѣтіе въ Сибири, при чемъ конечно не беру на себя неосуществимой задачи изобразить, въ предѣлахъ настоящаго очерка, полную картину общинныхъ распорядковъ на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, а остановлюсь только на одной сторонѣ дѣла—на вопросѣ о роли административнаго давленія и воздѣйствія. Чтобы сдѣлать послѣдующее болѣе понятнымъ, напомню прежде всего, что въ прежнее время во всей Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, господствовала ревизская раскладка казенныхъ платежей, которая въ промежуткахъ между ревизіями подлежала лишь частичнымъ исправленіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ гдѣ существовало уравнительное пользованіе, только при ревизіяхъ происходили коренные передѣлы пахатныхъ земель. Неудобства такого порядка, конечно, дали себя почувствовать, когда ревизія, произведенная въ послѣдній разъ въ 1857 году, не была повторена въ теченіе 15, 20, 25 и болѣе лѣтъ. И, тѣмъ не менѣе, крестьяне не рѣшались на коренную

переразверстку платежей и на передѣлъ земли—среди нихъ господствовала увѣренность, что произведенная при ревизіи разверстка не можетъ быть измѣнена иначе, какъ при наступленіи новой ревизіи. Ихъ сомнѣній не могла разрѣшить и мѣстная администрація,—потребовалось вмѣшательство сената, который въ 1884 году разъяснилъ, что крестьяне имѣютъ право, не ожидая ревизіи, производить внутреннюю разверстку возлагаемыхъ на крестьянскія общества казенныхъ платежей и соотвѣтственно измѣнять распредѣленіе земли между общественниками [1]). Разъясненіе это дошло до крестьянъ почти вездѣ въ такой формѣ, которая напоминала не столько *разъясненіе*, сколько *предписаніе* произвести переразверстку платежей и передѣлъ земли, при чемъ администрація иногда считала себя обязанною даже рекомендовать крестьянамъ тѣ или другія формы раскладки платежей или основанія передѣла. Имѣется немало указаній и на частные случаи административнаго воздѣйствія, имѣвшіе мѣсто и до, и послѣ указаннаго общаго „разъясненія“ и вызванные желаніемъ начальства то выдѣлить землю для приписывавшихся къ обществамъ ссыльно-поселенцевъ, то какъ-либо разрѣшить внутриобщинныя распри изъ-за передѣла, то обезпечить болѣе исправное поступленіе податей. Въ довольно многихъ случаяхъ вмѣшательство начальства, несомнѣнно, явилось самостоятельно-творческимъ факторомъ, вызвавъ наступленіе передѣла въ такихъ общинахъ, гдѣ для того, въ данное время, еще вовсе не существовало внутренней необходимости [2]). Такъ, общеволостные междуселенные передѣлы, послѣдовавшіе въ южной части Туринскаго уѣзда въ 1888 году, несомнѣнно были прямымъ послѣдствіемъ распоряженій мѣстнаго крестьянскаго чиновника,—поклонника идеи волостного поравненія, при чемъ въ нѣкоторыхъ приговорахъ даже дѣлается ссылка на приказаніе этого начальства. Подобныя же ссылки на „предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить землю по душамъ“, безъ какихъ-либо другихъ, вытекающихъ изъ существа дѣла мотивовъ, встрѣчаются и въ довольно многихъ приговорахъ по Ишимскому уѣзду, въ восьми волостяхъ котораго первые передѣлы, послѣдовавшіе въ 1885—1888 годахъ, были пря-

[1]) См. мою „Крест. общину“, стр. 116.

[2]) См. тамъ же, стр. 68—69; работу *М. А. Кроля* о „формахъ земленользованія“ въ Забайкал. области въ „Матеріалахъ“ комиссіи статсъ-секр. Куломзина, вып. 10, стр. 88—9, 106, 182—8, 208 и др.; „Матеріалы“ по Ирк. и Енис. губ., т. II, вып. 3, стр. 202—3; „Матеріалы“ по Зап. Сибири, вып. V, стр. 140—1, 159, 237; вып. XIII, стр. 9—11.

мымъ послѣдствіемъ такихъ предписаній. „Въ нѣкоторыхъ волостяхъ— говоритъ по этому поводу изслѣдованіе — гдѣ земельный просторъ былъ достаточно великъ, распоряженія крестьянскихъ чиновниковъ ускорили наступленіе момента окончательнаго перехода къ душевому пользованію на десятки лѣтъ, такъ какъ вопросъ о передѣлѣ далеко не успѣлъ здѣсь настолько созрѣть, чтобы можно было ожидать скораго его разрѣшенія по иниціативѣ самихъ общинъ". Въ Иркутской губерніи, гдѣ изслѣдованіемъ насчитано всего 20 случаевъ перехода отъ захватнаго къ уравнительно-душевому пользованію пахатными землями—въ 15-ти случаяхъ переходъ былъ прямымъ послѣдствіемъ „разъясненій" 1884 года,—и т. п. Въ матеріалахъ изслѣдованія имѣются при этомъ прямыя указанія на сопротивленіе, которое встрѣчали иногда начальственныя распоряженія о передѣлѣ, и которое преодолѣвалось лишь усиленными настояніями. Въ одномъ, напримѣръ, цитируемомъ изслѣдованіемъ приговорѣ прямо говорится: „намъ было *повторено* черезъ прочтеніе предписаніе г. чиновника... относительно уравненія между собою надѣлами пахатной земли; согласно предложенію старосты и распоряженію г. чиновника, *по долгомъ между собою разсужденіи*, единогласно приговорили: нынѣ же раздѣлить всю пахатную землю по душамъ...,"; смыслъ такого „повторенія" и такихъ „долгихъ разсужденій" понятенъ безъ особыхъ поясненій. Въ сѣверныхъ, въ то время еще очень многоземельныхъ волостяхъ Ишимскаго уѣзда къ передѣлу было приступлено лишь черезъ 3—4 года послѣ первоначальнаго распоряженія крестьянскаго чиновника,—въ теченіе этого времени, очевидно, тоже послѣдовало немало „повтореній" и „долгихъ разсужденій" на тему о передѣлѣ! Не менѣе любопытныя указанія собраны, въ данномъ направленіи, изслѣдованіемъ Забайкальской области. Сувинскому сельскому обществу, напримѣръ, начальство „не разъ предписывало сдѣлать уравненіе",—и только послѣ этого послѣдовалъ „единогласный приговоръ о передѣлѣ". Гутайскому обществу администрація четыре раза предписывала надѣлить ссыльно-поселенцевъ пахатною землею, — для чего требовался общій передѣлъ; но общество уступило этимъ настояніямъ лишь тогда, когда администрація, чтобы сломить его упорное сопротивленіе, разрѣшила поселенцамъ безъ спроса общества занимать тѣ пашни, какія пожелаютъ, и т. д. [1]).

---

[1]) „Крест. общ.", стр. 69; *Кроль*, назв. соч., стр. 107, 178, 182, 187, 188; Зап.-Спб. „Матеріалы", V, стр. 141—2.

Изслѣдованіе даетъ, однако, факты и другого рода [1]). Въ томъ же Ишимскомъ уѣздѣ, напримѣръ, нѣкоторыя общества одной очень многоземельной волости „хотя на бумагѣ и постановили приговоры о передѣлѣ, но въ дѣйствительности не произвели передѣла и остались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія“,—а въ другой, еще болѣе многоземельной волости не состоялось и приговора, и всѣ настоянія начальства разбились объ упорное сопротивленіе богатой части населенія. Характерны затѣмъ констатированные изслѣдованіемъ Забайкальской области случаи, когда эволюція формъ землепользованія, искусственно направленная, путемъ административнаго воздѣйствія, на путь передѣла, затѣмъ возвращалась къ своему естественному теченію,—когда, другими словами, слѣды искусственно-введеннаго передѣла стирались и на мѣсто уравнительнаго вновь водворялось захватное пользованіе. Такъ, въ нѣкоторыхъ инородческихъ общинахъ, гдѣ сѣнокосы были передѣлены послѣ отграниченія инородцевъ отъ казаковъ, „слѣды этихъ передѣловъ настолько стерлись, что юридическое ихъ значеніе совершенно уничтожилось, и владѣльцы покосовъ основываютъ теперь свое право на всѣ владѣемые ими участки на томъ, что пользуются ими со старины“; въ нѣкоторыхъ казачьихъ общинахъ казакамъ пришлось сдѣлать поравненіе пашенъ, чтобы надѣлить вновь приписанныя распоряженіемъ начальства казачьи семьи; но „такъ какъ земельныхъ угодій у нихъ очевидно оставалось достаточно и послѣ поравненія, то пользованіе пашнями по существу до сихъ поръ, несмотря на протекшія 40 лѣтъ, остается захватнымъ“.

Еще болѣе краснорѣчивы, нежели эти частные факты, общія данныя о степени распространенности передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Сенатское разъясненіе 1884 года въ равной мѣрѣ относилось ко всѣмъ четыремъ сибирскимъ губерніямъ и къ Забайкальской области;—и вездѣ за нимъ послѣдовали постановленія и циркуляры, превращавшіе это разъясненіе въ совѣтъ, а затѣмъ—и въ приказаніе. Но *вліяніе* административныхъ воздѣйствій оказалось далеко неодинаковымъ. Въ западной, малоземельной части Тобольской губерніи передѣлы, въ той или другой формѣ, послѣдовали болѣе или менѣе повсемѣстно,—при чемъ, однако, лишь въ сравнительно немно-

---

[1]) „Крест. общ.“, стр. 69, 70; *Кролъ*, стр. 178, 163—4; Иркут. „Матеріалы“, т. II, вып. 3, стр. 202—3; т. IV, въ вып. 3; стр. 193; Зап.-Сибир. „Матеріалы“, т. II, вып. 3, стр. 202—3; т. IV, вып. 3, стр. 193; Зап.-Сибир. „Матеріалы“, вып. V, 142; вып. XIII, 9—11.

гихъ мѣстностяхъ это были *первые* передѣлы,—другими словами, лишь въ немногихъ случаяхъ сенатское разъясненіе вызвало или ускорило не повтореніе передѣла, а дѣйствительный переходъ отъ захватныхъ формъ къ душевому пользованію. Въ другихъ мѣстностяхъ—весь Курганскій уѣздъ, бо́льшая часть Ишимскаго и Ялуторовскаго, Туринскій, Тобольскій—послѣдовавшіе за разъясненіемъ передѣлы были уже вторыми, третьими, четвертыми передѣлами, другими словами, душевая форма существовала уже десятки, если не сотню лѣтъ, и, повидимому, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы первоначальное возникновеніе ихъ было связано здѣсь съ какимъ-либо административнымъ воздѣйствіемъ. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе мало выяснило вопросъ о формахъ землепользованія въ восточныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи—Тюкалинскомъ и Тарскомъ, но есть основанія думать, что въ этихъ уѣздахъ, и особенно въ многоземельномъ Тюкалинскомъ, и послѣ того продолжали господствовать захватныя формы землепользованія. Въ губерніяхъ Томской и Енисейской, также многоземельныхъ, передѣлы констатированы изслѣдованіемъ всего въ немногихъ, единичныхъ случаяхъ. Такъ, въ Енисейской губерніи пахатныя земли, ко времени изслѣдованія (начало 90-хъ годовъ), были передѣлены всего въ трехъ общинахъ. Въ Иркутской губерніи зарегистрировано, какъ уже упоминалось, всего 20 случаевъ такъ называемаго общаго поравненія пашенъ, въ томъ числѣ 15—подъ непосредственнымъ вліяніемъ разъясненій 1884 года. *Но всѣ эти 15 случаевъ относятся къ одной мѣстности*—именно къ нѣсколькимъ смежнымъ между собою, малоземельнымъ волостямъ Иркутскаго уѣзда; здѣсь и до циркуляра шли толки о передѣлѣ, и послѣдній не осуществлялся лишь благодаря тому, что крестьяне „не знали своихъ правовъ“; послѣдовавшій за сенатскимъ разъясненіемъ циркуляръ только *устранилъ препятствія*, не дававшія осуществиться уже назрѣвшему здѣсь переходу къ душевому пользованію. Въ другихъ частяхъ губерніи, болѣе богатыхъ землею, тотъ же циркуляръ совершенно не отразился на формахъ землепользованія. Наконецъ, въ Забайкальской области замѣчается рѣзкая разница между многоземельнымъ восточнымъ Забайкальемъ и сравнительно малоземельною, западною половиною области: въ восточномъ Забайкальѣ, у казаковъ и инородцевъ, еще всецѣло господствуютъ захватныя формы; уравнительно-душевое пользованіе начало распространяться лишь среди крестьянъ, при чемъ, однако, и у нихъ поравненія примѣняются только по отношенію къ 4,1% общей площади пашенъ. Въ западномъ Забайкальѣ

уравнительно-душевое пользованіе сдѣлало несравненно бо́льшіе успѣхи, и въ настоящее время передѣляется: у некрещенныхъ инородцевъ—26,5%, у крещеныхъ 59,4%, у казаковъ-русскихъ 25,0%, у казаковъ-инородцевъ 45,9%, у крестьянъ даже 79,8% общей площади пахатныхъ земель.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ основныхъ, по даннымъ „живой исторіи", моментахъ, обусловливающихъ эволюцію формъ крестьянскаго землепользованія, — меня въ данное время интересуетъ только частный вопросъ о роли, въ этой эволюціи, административнаго воздѣйствія [1]). Желающихъ ближе познакомиться съ „живою исторіей общины" я позволю себѣ отослать къ моей сводной работѣ о крестьянской общинѣ въ Сибири, къ интересной работѣ г. Кроля о формахъ землепользованія въ Забайкальской области, къ соотвѣтствующимъ главамъ „Русской общины" г. Качоровскаго и къ изданному на нѣмецкомъ языкѣ изслѣдованію А. А. Чупрова. Основнымъ такимъ моментомъ, по убѣжденію всѣхъ этихъ авторовъ и моему, является приростъ населенія, естественный или механическій, и обусловливаемое либо этимъ приростомъ, либо разными правительственными мѣропріятіями сокращеніе когда-то безграничнаго (конечно выражаясь относительно) земельнаго простора. Но конечно, какъ изслѣдователи, такъ и авторы, сводившіе и разрабатывавшіе добытые ими матеріалы, не могли не задаваться вопросомъ о роли административнаго воздѣйствія, — не могли не ставить себѣ, въ частности, вопроса, почему это воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ дѣйствительно влекло за собой передѣлъ земель, въ другихъ—оставалось совершенно безрезультатнымъ. Нѣкоторые намеки на рѣшеніе поставленнаго такимъ образомъ вопроса приведены уже въ предыдущемъ изложеніи,—сущность дѣла, говоря словами А. А. Чупрова [2]), сводится къ тому, что „воздѣйствіе администраціи отражается только на *темпѣ* эволюціи: тамъ, гдѣ внутренній процессъ развитія формъ землепользованія не успѣлъ подготовить почвы для перехода къ душевому пользованію, — тамъ администрація, несмотря

---

[1]) Въ силу этого, я считаю себя въ правѣ совершенно не касаться здѣсь ряда другихъ частныхъ моментовъ, какъ вліяніе (съ моей точки зрѣнія чисто механическое) межеваній, роль переноса формъ изъ однихъ мѣстностей въ другія и т. п.,— или такого первостепенно-важнаго вопроса, какъ дѣйствительный характеръ и значеніе „крѣпостныхъ" и т. п. переуступочныхъ документовъ.

[2]) Назв. сочин., стр. 132; *Качоровскій* „Русская община", томъ I, Спб. 1900 г., стр. 160, 238—248.

на всѣ свои старанія, не могла добиться никакого результата". Или, какъ подробнѣе развиваетъ ту же мысль г. Кроль, изслѣдователь Забайкальской общины: распоряженія начальства „въ иныхъ мѣстахъ являются *послѣднимъ толчкомъ* къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль этого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое-бы то ни было значеніе: жизнь общины продолжаетъ идти своимъ путемъ,— поравненія или передѣлы повторяются по мѣрѣ надобности, регулируемые согласно выработанныхъ общиною на этотъ счетъ обычно-правовыхъ воззрѣній. Тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ [другими словами, гдѣ земельный просторъ даетъ каждому возможность и безъ поравненія пользоваться, на захватномъ правѣ, достаточнымъ по его потребностямъ и хозяйственной силѣ количествомъ земли. А. К.], циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ. Передѣлы или поравненія наступаютъ лишь тогда, когда въ поравненіи земельныхъ угодій заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которое при раздѣлахъ земли ревниво слѣдитъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены по справедливости" [1]).

„Живая исторія общины" даетъ, затѣмъ, немало и другихъ указаній, способныхъ пролить свѣтъ на дѣйствительное значеніе, въ разсматриваемомъ вопросѣ, административнаго воздѣйствія. Прежде всего, извѣстную роль можетъ играть здѣсь нижеслѣдующее, такъ сказать, хронологическое соображеніе: въ болѣе систематическомъ видѣ, какъ я уже упоминалъ, административное воздѣйствіе на формы землепользованія проявилось въ Сибири лишь въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Между тѣмъ, во многихъ такихъ мѣстностяхъ, какъ западная часть Тобольской губерніи, западное Забайкалье, повидимому сѣверныя (не охваченныя экспедиціоннымъ изслѣдованіемъ) окраины губерній Томской и Иркутской, передѣлы имѣютъ гораздо болѣе раннее происхожденіе, и начало ихъ относится къ такимъ временамъ, когда либо вовсе нѣтъ данныхъ предполагать административное воздѣйствіе, либо это послѣднее могло встрѣчаться только спорадически и вызываться лишь тѣми или другими случайными обстоятельствами. Гораздо важнѣе, однако, слѣдующее соображеніе: административное воздѣйствіе—гдѣ оно явилось не *послѣднимъ поводомъ*, устра-

[1]) См. также мою „Крест. общину", стр. 70; *Кроль*, назв. соч., 178, 188; Ирк. „Матеріалы", т. II, вып. 3, стр. 202—203.

нившимъ тѣ или иныя внѣшнія препятствія къ передѣлу, а *самостоятельнымъ*, *творческимъ моментомъ*,—неизбѣжно должно было выразиться въ какомъ-либо рѣзкомъ скачкѣ, въ какомъ-либо переломѣ въ ходѣ развитія формъ пользованія землею. И дѣйствительно — въ сѣверо-западномъ углу Ишимскаго уѣзда, гдѣ, какъ выше упоминалось, естественный ходъ вещей еще не требовалъ перехода къ душевому пользованію, чисто-захватное пользованіе, подъ вліяніемъ распоряженій администраціи, было разомъ замѣнено передѣломъ на души всѣхъ угодій, въ нѣкоторыхъ общинахъ—до выгоновъ включительно (!), при чемъ примѣнявшіеся здѣсь пріемы обмѣра и уравнительнаго распредѣленія угодій совершенно не гармонировали съ общимъ характеромъ землевладѣнія и землепользованія и съ традиціонными формами поравненія въ данной мѣстности [1]). Въ видѣ общаго правила дѣло шло совершенно иначе. Процессъ эволюціи формъ землепользованія совершался не быстрыми и рѣзкими скачками, а медленно и постепенно. Неограниченно-захватное пользованіе пахатными землями, связанное съ правомъ отчужденія и передачи по наслѣдству, прежде всего уступало мѣсто ограниченнымъ захватнымъ формамъ; затѣмъ, мало-по-малу, появлялись такъ-называемыя частныя поравненія — община въ отдѣльныхъ случаяхъ отбирала излишекъ земли у многоземельныхъ дворовъ и отводила отрѣзанную землю въ надѣлъ дворамъ, особенно въ ней нуждающимся; постепенно учащаясь, такія частныя поравненія, въ концѣ концовъ, приводили къ общему поравненію—несовершенной формѣ передѣла, изъ которой, въ свою очередь, развивались болѣе точныя и совершенныя формы уравненія пахатныхъ земель. Въ другихъ, впрочемъ болѣе рѣдкихъ, случаяхъ, постепенность эволюціи выражается въ нѣсколько иной формѣ: передѣляется *часть* пахатныхъ земель, которая либо имѣетъ особенную цѣнность, либо по отношенію къ которой менѣе приходится или вовсе не приходится считаться съ захватными правами отдѣльныхъ общественниковъ и въ особенности—съ правомъ затраченнаго на разработку труда. Еще разъ повторяю: естественный процессъ эволюціи формъ пользованія совершается весьма медленно и постепенно; въ мелкоступенчатой лѣстницѣ послѣдовательно смѣняющихся формъ пользованія нѣтъ такого перерыва, въ которомъ могло бы помѣститься административное воздѣйствіе не въ качествѣ случайнаго, помогаю-

---

[1]) „Матеріалы“ по Зап. Сибири, вып. V, стр. 142—143; см. также мою книжку „Земельныя отношенія и общинные порядки въ Забайкальѣ“, Ирк. 1900 г., стр. 163.

щаго или ускоряющаго момента, а въ качествѣ органическаго творческаго фактора,—съ другой же стороны переходъ съ одной ступени на другую совершается такъ просто и естественно, что для объясненія его нѣтъ и надобности вводить такой искусственный факторъ, какъ административное давленіе [1]).

Сказанное справедливо даже и по отношенію къ пахатнымъ землямъ, о которыхъ я только и говорилъ на предыдущихъ страницахъ. Но общинно-уравнительное начало землепользованія находитъ себѣ выраженіе и по отношенію къ другого рода угодьямъ,—и здѣсь оно слагалось и развивалось уже безусловно безъ всякаго административнаго воздѣйствія. Прежде всего, уравнительно-душевыя формы сдѣлали въ Сибири гораздо большіе успѣхи по отношенію къ сѣнокосамъ, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ. Въ лѣсныхъ районахъ средней Сибири эволюція формъ пользованія сѣнокосами шла, въ общихъ чертахъ, приблизительно тѣмъ же путемъ постепенныхъ ограниченій захватнаго права, какъ эволюція формъ пользованія пахатными землями. Въ степныхъ районахъ, преимущественно въ Тобольской и Томской губерніяхъ по отношенію къ покосамъ не было почвы для образованія длящихся формъ неограниченнаго захвата, и потому первоначальною формой пользованія этими угодьями было вольное пользованіе съ ежегоднымъ закосомъ, иначе сказать—захватомъ, въ исключительное пользованіе, на данный сѣнокосный періодъ, нужной каждому общественнику площади покоса; ограниченіе захватнаго права выразилось, прежде всего, въ уничтоженіи права закоса, такъ что каждый общественникъ получилъ право косить, гдѣ угодно, не стѣсняясь тѣмъ, гдѣ коситъ кто-либо другой. Затѣмъ, дальнѣйшій переходъ отъ вольнаго пользованія къ общеупотребительнымъ для степныхъ покосовъ формамъ ежегоднаго передѣла („набой душъ“, „расписываніе по урочищамъ“) совершается черезъ рядъ столь неопредѣленныхъ формъ и столь незамѣтныхъ переходныхъ ступеней, не поддающихся нерѣдко даже точному описанію и разграниченію, что исчезаетъ всякая возможность опредѣлить моментъ, когда прекращается вольное пользованіе и начинается душевое [2]). Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ дать здѣсь

---

[1]) Фактическій матеріалъ сведенъ въ моей „Крест. общинѣ въ Сибири“, стр. 77—88; см. также *Кроль*, назв. соч., стр. 45 — 58, 78—107, 176 — 191 и др., а также мои „Земельныя отношенія“ въ Забайкальѣ, стр. 128 — 136.

[2]) „Крест. община“, стр. 90.

in extenso описанія этого постепеннаго переходнаго процесса. Замѣчу только, что трудность точно опредѣлить моментъ перехода къ общинно-уравнительной формѣ еще возрастаетъ въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда форма пользованія покосами измѣняется въ зависимости отъ урожая травъ: при хорошихъ урожаяхъ покосы продолжаютъ оставаться въ вольномъ пользованіи, ограничиваемомъ только опредѣленнымъ днемъ начала сѣнокошенія, при худыхъ, когда травы для каждаго вволю не хватаетъ, они передѣляются по способу „расписыванія по урочищамъ“. Очевидно безъ подробныхъ разъясненій, что все это происходило не только помимо воздѣйствія, но даже и безъ вѣдома какого-бы ни было начальства,—да воздѣйствіе, по существу, и не могло найти себѣ мѣста въ очерченной, въ краткихъ словахъ, эволюціи.

Далѣе, уравнительно-душевое пользованіе существуетъ еще, главнымъ образомъ въ Западной Сибири, по отношенію къ общиннымъ лѣсамъ—при чемъ душевой принципъ иногда выражается въ формѣ ежегодной вырубки опредѣленнаго, на каждую разверсточную единицу, количества лѣсныхъ матеріаловъ, иногда—въ формѣ періодическаго передѣла лѣсной площади на душевые участки; къ кедровникамъ,—при чемъ нѣкоторыя общины ежегодно отводятъ на душу, для сбора орѣха, опредѣленное количество деревъ, по большей же части душевой принципъ находитъ себѣ выраженіе въ опредѣленіи числа сборщиковъ, которыхъ каждая земельно-платежная единица можетъ выпустить на сборъ кедроваго орѣха; наконецъ, къ рыболовнымъ угодьямъ, по отношенію къ которымъ наблюдаются весьма интересныя комбинаціи общинно-душевого начала *пользованія угодьемъ* съ артельною формою *организаціи труда*. И во всѣхъ этихъ случаяхъ не только не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо административномъ воздѣйствіи, — но напротивъ, раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ на душевые участки даже воспрещался, какъ несогласный съ закономъ и вредный для сохраненія лѣсовъ [1]).

Очень любопытныя данныя по разсматриваемому вопросу добыты, между прочимъ, изслѣдованіемъ Забайкальской области. Изслѣдованіе это констатировало рядъ фактовъ, гдѣ возможность административнаго воздѣйствія исключалась самимъ существомъ вещей, или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось вопреки закону и распоряженіямъ

[1]) См. „Матеріалы“ по Зап. Сиб., вып. VIII, стр. 95—192, вып. XXI, стр. 401 и сл.

администраціи. Такъ, объ административномъ воздѣйствіи не могло быть, конечно, рѣчи по отношенію къ такъ называемымъ „китайскимъ покосамъ“,—сѣнокоснымъ угодьямъ, которыми казаки нѣкоторыхъ пограничныхъ станицъ свободно пользуются въ китайскихъ предѣлахъ; а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ станицахъ „китайскіе“ покосы состоятъ въ душевомъ пользованіи, при чемъ иногда они вводятся въ общій передѣлъ съ надѣльными покосами, а иногда казачьи поселки, для распредѣленія „китайскихъ“ покосовъ образуютъ сложныя общины совершенно особаго состава. Не менѣе характерны, въ данномъ направленіи, и другіе случаи, когда крестьянскія и инородческія общества передѣляютъ, на общихъ съ надѣльными угодьями основаніяхъ, угодья, самовольно захваченныя въ чужихъ межевыхъ дачахъ. Столь же рѣзкій примѣръ того же рода представляютъ формы пользованія пашнями у бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго уѣзда; получивъ надѣльныя пахатныя земли, по уставнымъ грамотамъ, въ подворное владѣніе, они возбудили ходатайство о сдачѣ имъ земли въ аренду въ общее пользованіе, при чемъ „распредѣленіе между домохозяевами обязывались произвести по усмотрѣнію сельскаго схода, а за исправную уплату арендной платы ручались круговою порукой“; и это—въ отвѣтъ на объявленіе начальства Нерчинскаго округа, предлагавшее *каждому домохозяину отдѣльно* взять въ аренду участокъ въ 15 десятинъ [1])... И, напротивъ, общинно-уравнительныя формы наименѣе распространены у казаковъ, т. е. какъ разъ у единственнаго разряда населенія Забайкальской области, которому законъ *предписываетъ* уравнительное пользованіе земельными угодьями: законъ, какъ и административное воздѣйствіе, оказался безсильнымъ ввести уравнительныя формы, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ, и, наоборотъ, общинно-уравнительныя формы слагались помимо всякаго правительственнаго воздѣйствія или даже вопреки ему, гдѣ находили благопріятную для себя почву въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Изслѣдованіе крестьянскаго землепользованія и хозяйства въ Сибири, использовавъ—хотя, далеко не исчерпывающимъ образомъ—документальный матеріалъ, оперировало, однако, по преимуществу экспедиціоннымъ путемъ, собирая на мѣстахъ, помощью опроса крестьянъ, тѣ данныя, которыя могли служить для характеристики интересовавшихъ изслѣдованіе явленій. Благодаря этому, изслѣдованіе дало воз-

[1]) *Кроль*, стр. 145.

можность нарисовать широкую и детальную картину современныхъ формъ землепользованія крестьянъ и инородцевъ и послѣдовательности въ ихъ смѣнѣ. Эта картина охватываетъ формы пользованія всѣми видами крестьянскихъ угодій и самыя разнообразныя, нерѣдко едва поддающіяся точному различенію, разновидности этихъ формъ,—благодаря чему и получается возможность съ достаточною точностью выяснить послѣдовательную смѣну формъ и установить относительное значеніе разныхъ моментовъ, вліяющихъ на ихъ эволюцію. Я попросилъ бы, однако, читателя поставить себя въ положеніе историка XVII столѣтія, которому пришлось бы возсоздавать эту картину на основаніи одного лишь того документальнаго матеріала, который собранъ изслѣдованіемъ, или который еще будетъ найденъ впослѣдствіи въ губернскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ канцеляріяхъ (матеріалъ этотъ несомнѣнно неполонъ—но вѣдь и историки, возсоздающіе картину формъ землепользованія въ XVI или даже XVIII вѣкѣ, не имѣютъ въ своемъ распоряженіи сколько-нибудь полнаго документальнаго матеріала!). Не трудно видѣть, какое однобокое и вообще неправильное представленіе такой историкъ получилъ бы объ интересующихъ его явленіяхъ: ему нетрудно было бы запутаться въ разныхъ формахъ первобытнаго захвата, а допускаемыя при господствѣ этихъ формъ переуступки, документальные слѣды которыхъ попали бы ему въ руки, принять за доказательство наличности индивидуальнаго или подворнаго владѣнія; отъ него осталась бы скрытою вся та медленная эволюція формъ пользованія разнаго рода угодьями, которая не находила себѣ выраженія въ письменныхъ приговорахъ, и отдѣльные моменты которой не вызывали ни жалобъ, ни вмѣшательствъ начальства, ни тяжбъ въ волостныхъ судахъ; онъ не зналъ бы ничего ни о тѣхъ случаяхъ, когда воздѣйствіе правительственныхъ органовъ вовсе разбивалось о пассивное сопротивленіе населенія, ни о тѣхъ, гдѣ эволюція, отклонившись, подъ вліяніемъ административнаго давленія, отъ нормальнаго теченія, затѣмъ возвращалась въ свое естественное русло, ни, наконецъ, о тѣхъ, когда состоявшіеся подъ такимъ воздѣйствіемъ документальные акты имѣли болѣе или менѣе фиктивный характеръ, а жизнь подъ покровомъ этихъ актовъ шла совершенно инымъ путемъ. И для него было бы не только вполнѣ возможно, но даже, можетъ быть, неизбѣжно видѣть въ исторіи сибирскаго общиннаго землепользованія только рядъ административныхъ воздѣйствій, въ концѣ концовъ, успѣвшихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ Сибири, внѣдрить, несмотря на явное, мѣстами, нежеланіе и сопротивленіе

населенія, совершенно чуждыя ему и не вытекавшія ни изъ какого внутренняго процесса развитія, формы землепользованія.

Вернемся, однако, къ *настоящей исторіи*. Самые факты административнаго и землевладѣльческаго воздѣйствія на формы крестьянскаго землепользованія настолько несомнѣнны и общеизвѣстны, что мнѣ нѣтъ надобности напоминать о нихъ читателю. Скажу только, что, просматривая недавно вышедшую книгу г-на В. В. „Къ исторіи общины въ Россіи“, содержащую богатый архивный матеріалъ по исторіи формъ землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ, или соотвѣтствующія главы второго тома „Крестьянъ при Екатеринѣ II“ В. И. Семевскаго,—я не разъ испытывалъ такое впечатлѣніе, что я читаю не „*исторію общины*“, а *исторію административныхъ мѣропріятій*, направленныхъ къ болѣе или менѣе насильственному внѣдренію въ крестьянскую среду общинныхъ формъ и распорядковъ [1]). Аналогичные факты даетъ намъ въ изобиліи и исторія четвертныхъ крестьянъ—и здѣсь, казалось бы, все сводится къ усмотрѣнію и степени энергіи тѣхъ или другихъ представителей администраціи. „Гдѣ окружные начальники дѣйствовали однообразно, говоритъ Н. А. Благовѣщенскій въ своей книгѣ „Четвертное право“ [2]),—все выходило гладко. Такъ, напримѣръ, Обоянскій окружной почему-то страшно расположенъ былъ къ душевому поравненію; въ результатѣ мы видимъ почти сплошной переходъ этого уѣзда съ четвертей на души“. Я не буду напоминать и о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, приводимыхъ въ особенномъ изобиліи въ только-что названной работѣ г-на В. В., когда распоряженія подлежащихъ властей приводились въ исполненіе вопреки рѣшительному нежеланію и упорному, иногда многолѣтнему сопротивленію населенія, и такимъ образомъ дѣйствительно являлись, употребляя образное выраженіе г-жи Ефименко, „декретами конвента“, ломавшими жизнь и направлявшими ее въ совершенно новые, ей чуждые пути.

Но, *даже оставаясь въ предѣлахъ того же документальнаго ма-*

---

[1]) Несмотря на разъясненіе Департамента Удѣловъ, что его распоряженія имѣютъ въ виду производство уравненія въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда сами крестьяне того пожелаютъ, „нѣкоторые управляющіе удѣльными конторами особенно настаивали на производствѣ раздѣла земель, и издавали повторныя предписанія о примѣненіи циркуляра 29 февраля 1812 г., не всегда будучи побуждаемы къ этому ходатайствами малоземельныхъ крестьянъ“ (Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія, С.-Пб. 1902, т. II, ч. II, стр. 14).

[2]) Стр. 139.

теріала, мы находимъ не мало указаній и другого рода—указаній, которыя, мнѣ кажется, уже сами по себѣ должны заставить усумниться въ нашемъ *правѣ обобщать* не подлежащіе никакому сомнѣнію факты административнаго или вообще внѣшняго воздѣйствія и придавать имъ самостоятельно-творческое значеніе.

Прежде всего—въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства по данному вопросу нельзя усмотрѣть ничего похожаго на сколько нибудь опредѣленную, планомѣрно-проводимую политику, при которой, вообще, только и можно было бы ожидать серьезнаго вліянія правительственныхъ воздѣйствій на столь сложное явленіе, какъ формы землепользованія,—явленіе, затрагивающее притомъ существеннѣйшіе народные интересы; напротивъ, въ этой политикѣ замѣчаются постоянныя и рѣзкія колебанія, и распоряженія не только различныхъ, но даже иногда однихъ и тѣхъ же органовъ центральной или мѣстной администраціи полны непримиримыхъ противорѣчій. Къ 1766 году относятся знаменитыя межевыя инструкціи, которымъ приписывается такая творческая роль въ дѣлѣ созданія крестьянской земельной общины. Между тѣмъ, почти къ тому же моменту, именно къ 1767 году, относится и приводимое В. И. Семевскимъ распоряженіе главной дворцовой канцеляріи, предписывавшее „пашенною землею и угодьями, впредь до разсмотрѣнія канцеляріею, владѣть какъ до сего владѣли, и собою другъ у друга не отнимали бы и во владѣніе не вступали“,—а указомъ 1789 года предписывается дѣлить землю „не по прихотямъ, а по писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ [1]). Какъ во внутриобщинной жизни, такъ и въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства „постоянно сталкиваются—какъ отмѣтила еще г-жа Ефименко [2])—два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго и другъ друга взаимно исключающихъ: съ одной стороны—право, держащееся на старымъ документахъ и другихъ законныхъ [или, какъ осторожнѣе было бы выразиться, облеченныхъ въ законныя формы. А. К.] основаніяхъ; съ другой стороны—тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе“,—и это столкновеніе принциповъ, если не порожденное, то, во всякомъ случаѣ, поддерживаемое главнымъ образомъ непослѣдовательностью правительственной политики, „раскрывало широкое поле дѣйствію хищническихъ инстинктовъ и злоупотребленіямъ всякаго рода“. В. И.

---

[1]) *Семевскій*, „Крестьяне при Екатеринѣ II“, т. II, С.-Пб. 1901, стр. 73, 651.

[2]) Назв. соч., стр. 326.

Семевскій [1]) приводитъ любопытнѣйшія данныя о поравненіи земель въ Олонецкой губерніи, которое, начавшись вслѣдствіе приказовъ директора экономіи, основанныхъ на распоряженіяхъ генералъ-губернатора Тутолмина, вскорѣ затѣмъ прекратилось вслѣдствіе діаметрально-противоположныхъ распоряженій губернатора Державина, не стѣснявшагося даже отбирать у крестьянъ директорскіе приказы,—и совершенно аналогичную исторію поравненія въ Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ „управительскія дѣла“ не рѣшились привести въ исполненіе приказа дворцовой канцеляріи о передѣлѣ въ виду распоряженія губернатора Головцына „о неотниманіи отъ большетяглыхъ нынѣ имѣющихся за ними во владѣніи земель и о неотдачѣ малотяглымъ и нерадивымъ крестьянамъ“. Но особенно яркую картину подобной непослѣдовательности и подобныхъ колебаній представляетъ намъ изображенная г-номъ В. В. въ его новѣйшей, уже названной работѣ исторія передѣловъ у удѣльныхъ крестьянъ. Удѣльное вѣдомство по самому своему учрежденію брало на себя обязанность пещись объ уравнительномъ надѣленіи землею крестьянъ. Между тѣмъ, центральное его учрежденіе—департаментъ удѣловъ, принимая удѣльныхъ крестьянъ въ свое завѣдываніе, „не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно вопроса объ уравненіи крестьянскихъ земель и обладалъ даже очень смутными понятіями о порядкахъ крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ“ [2]). Въ 1799 году департаментъ предписываетъ произвести передѣлъ „съ наблюденіемъ совершеннаго равенства, включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону“, а въ 1802 году признаетъ себя „не вправѣ уничтожать законно-совершенныя крѣпости и закладныя“ и предписываетъ, чтобы „малоземельные крестьяне получали удовлетвореніе своихъ требованій, по возможности, не отводами земли отъ многоземельныхъ хозяевъ, а надѣленіемъ изъ впустѣ лежащихъ при селеніяхъ земель, которыя должны быть расчищены общими силами всего селенія“. По одному представленію своихъ мѣстныхъ органовъ департаментъ отмѣнялъ начатый раздѣлъ земель, по другому—возстановлялъ его; удѣльная администрація „первоначально многократно побуждаетъ свои приказы къ производству уравнительнаго раздѣла земель, а впослѣдствіи не только терпимо относится къ приговорамъ крестьянъ о сохраненіи за селе-

[1]) Назв. соч., стр. 633—41; см. также стр. 61.

[2]) Стр. 20; см. также стр. 13, 58.

ніями прежнихъ владѣній, но и сама поощряетъ ихъ къ этому"; одинъ и тотъ же удѣльный чиновникъ по одному и тому же дѣлу даетъ три совершенно противорѣчащія другъ другу предписанія. Въ собранныхъ г-номъ В. В. документахъ имѣется, съ одной стороны, немало указаній на „многократныя понужденія" къ производству передѣла, на „угрозы, насилія и притѣсненія", на „битье и сажанье на цѣпь несогласныхъ",—но, съ другой стороны, приводятся и случаи, когда низшій чиновникъ удѣльнаго вѣдомства постановлялъ „начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить и рекомендовалъ удовлетворить въ недостающемъ изъ пустопорожнихъ земель съ помощью отъ большеземельныхъ" [1])....Не менѣе любопытныя данныя мы находимъ въ работѣ г. Благовѣщенскаго о четвертномъ правѣ [2]). Я упоминалъ уже о роли Обоянскаго „окружного" въ дѣлѣ перехода на души. Зато другой окружной, Суджанскій, былъ рѣшительно противъ такого перехода; „хотя онъ былъ почти безсиленъ пресѣчь дѣйствіе циркуляра, разъяснявшаго право четвертныхъ по общественному приговору переходить къ душевому владѣнію, — но немало затормозилъ ходъ душевого поравненія своими совѣтами противникамъ передѣла, а также кое-какими препятствіями и проволочками", и, напримѣръ, въ пригородныхъ слободахъ, успѣвшихъ передѣлить одно поле пахатныхъ земель, другія два поля, благодаря его вмѣшательству, остались, по прежнему, „по четвертямъ".

У В. И. Семевскаго и въ особенности—у г. Благовѣщенскаго [3]), оперировавшаго не только съ документальнымъ, но и съ разспроснымъ матеріаломъ, имѣются прямыя указанія на „денежную молитву", которая приносилась то сторонниками, то противниками передѣла, то тою и другою стороною одновременно, и которая являлась если не главною, то, во всякомъ случаѣ—существенною причиной, обусловливавшею иногда слишкомъ активное сочувствіе, иногда—рѣшительное противодѣйствіе мѣстныхъ органовъ администраціи введенію уравнительнаго передѣла. Но эта „денежная молитва", прежде всего, гораздо больше благопріятствовала зажиточнымъ „широкодачникамъ", противникамъ передѣла, нежели хлопотавшей о поравненіи бѣднотѣ. А затѣмъ—вѣдь взятка, въ особенности если она была результа-

---

[1]) *В. В.*, назв. соч., стр. 16, 20, 25, 27, 31, 41, 123—124; см. *Семевскій*, назв. соч., стр. 77.

[2]) Стр. 138—139.

[3]) *Благовѣщенскій*, тамъ же; *Семевскій*, назв. соч., стр. 651.

томъ сбора, производившагося среди сторонниковъ или противниковъ передѣла, являлась лишь однимъ изъ проявленій той борьбы за передѣлъ, которая происходила издавна *внутри* самихъ общинъ. Но даже и независимо отъ „золотой молитвы", постоянныя колебанія во взглядахъ правительственной власти и противорѣчивость ея распоряженій въ значительной мѣрѣ вытекали изъ того обстоятельства, что правительственное вмѣшательство не было какимъ-то deus ex machina, не проистекало изъ предначертаній какой-то общей, послѣдовательно проводимой по заранѣе начертанному плану аграрной политики,—а являлось лишь откликомъ на ту борьбу, которая издавна происходила въ общинахъ между сторонниками и противниками передѣла. Уже наказы крестьянскихъ депутатовъ Екатерининской законодательной комиссіи, по свидѣтельству В. И. Семевскаго [1]), „доказываютъ, что начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались введенія передѣловъ земли, и что правительственныя мѣры были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждавшихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею"; точнѣе выражаясь—отвѣтомъ на просьбы *малоземельной части* крестьянъ, которая не могла собственными силами справиться съ сопротивленіемъ широкодачниковъ. Такимъ отвѣтомъ или откликомъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ правила, являлись какъ общіе законодательные акты и административныя мѣропріятія, такъ и въ особенности—частныя распоряженія центральныхъ и мѣстныхъ властей,—и, напримѣръ, департаментъ удѣловъ, издавъ въ 1812 году циркуляръ объ уравненіи земли по душамъ 6-й ревизіи, затѣмъ неоднократно разъяснялъ, что этотъ циркуляръ изданъ лишь „съ цѣлью производства уравненія земель, *если сами крестьяне признаютъ это нужнымъ*" [2]). Въ работахъ гг. Семевскаго и В. В. [3]) мы находимъ немало документальныхъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что администрація въ принудительномъ, хотя-бы, введеніи передѣла видѣла единственный способъ „для отвращенія неустройствъ и взаимныхъ распрей", для пресѣченія „буйствъ и дальнѣйшихъ опасныхъ непріятностей". Въ центральныя и мѣстныя учрежденія поступали то прошенія малоземельныхъ, болѣе или менѣе убѣдительными до-

---

[1]) Назв. соч., стр. 605.

[2]) „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія", С.-Пб. 1902, т. II, ч. II, стр. 14.

[3]) Тоже, стр. 36, 54, 62, 71, 76; *В. В.*, назв. соч., стр. 6—7, 10, 17, 64, 93—99.

водами доказывавшихъ безусловную для нихъ необходимость въ земельномъ поравненіи и неосновательность притязаній широкодачниковъ,—и за такими прошеніями слѣдовали распоряженія и настоянія о производствѣ уравнительнаго передѣла; то обставленныя также весьма существенными доводами жалобы широкодачниковъ на нарушеніе ихъ правъ, основанныхъ, съ одной стороны, на вложенномъ въ разработку угодій трудѣ, съ другой — на разнаго рода если не законныхъ, то во всякомъ случаѣ—облеченныхъ въ законную форму документахъ,—и сдѣланное распоряженіе о передѣлѣ отмѣнялось или ограничивалось новымъ распоряженіемъ, вовсе пріостанавливавшимъ раздѣлъ или исключавшимъ изъ него расчистныя и крѣпостныя земли.

Далѣе, самое содержаніе тѣхъ распоряженій, которыми правительство пыталось регулировать и измѣнять внутриобщинныя отношенія, несомнѣнно заимствовалось изъ жизни,—изъ дѣйствительно практиковавшихся порядковъ внутриселеннаго или междуселеннаго поравненія. „Циркуляръ 29-го февраля 1812 г. объ уравненіи землепользованія удѣльныхъ крестьянъ по душамъ 6-й ревизіи—читаемъ мы въ офиціальной „исторіи удѣловъ“ [1]), исходилъ изъ того положенія, что, *какъ извѣстно по опыту, крестьяне сами* хорошо знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно *развертывали ихъ между собой*, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ“. И достаточно прочесть, напримѣръ, такой документъ, какъ напечатанное въ книгѣ г. В. В. [2]), почти in extenso, „наставленіе“ о порядкѣ производства передѣловъ, составленное въ 1798 году Вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, чтобы видѣть, что изложенныя здѣсь детальныя указанія относительно техники уравненія разныхъ видовъ угодій не могли быть теоретически построены полуграмотными канцеляристами „нижняго суда“, а были лишь сколкомъ со способовъ уравненія, уже фактически практиковавшихся, въ данной мѣстности, крестьянами. Съ другой стороны, распоряженія эти содержатъ также и немаловажныя фактическія указанія, дающія имъ, до извѣстной степени характеръ свидѣтельствъ исторической традиціи. Я не склоненъ, конечно, придавать рѣшающаго значенія ссылкамъ на „мѣстный обычай, въ каждомъ селеніи издавна принятый“ [3]), которыя встрѣчаются въ распо-

[1]) Стр. 12, т. II, ч. II.
[2]) Стр. 11.
[3]) *В. В.*, стр. 86.

ряженіяхъ о производствѣ передѣла: обычай могъ быть и сочиненъ ad hoc, если не тѣмъ или другимъ чиновникомъ, то крестьянами, ходатайствовавшими о передѣлѣ,—хотя конкретныя ссылки на способы раздѣла „четвертями, паями, полосами и. т. п. подраздѣленіями“ и позволяютъ предполагать въ такихъ ссылкахъ отраженіе дѣйствительныхъ жизненныхъ фактовъ. Но зато весьма существенными я считаю тѣ указанія, которыя могутъ быть извлечены изъ нѣкоторыхъ распоряженій, направленныхъ къ *запрещенію* или *ограниченію* передѣловъ. Въ книгѣ г. В. В. [1]) приводится, напримѣръ, одинъ циркуляръ департамента удѣловъ, гдѣ говорится объ обычныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодныхъ передѣлахъ, производящихся „не по какой-либо необходимости, но безъ всякой цѣли, единственно токмо по укоренившемуся издавна обычаю, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ земледѣлія вообще и для крестьянъ въ частности“,—и предписывается на будущее время допускать передѣлы и поравненія тяголъ только при ревизіяхъ,—а проф. Ходскій [2]) приводитъ распоряженіе дореформеннаго министерства государственныхъ имуществъ, которое вмѣняло своимъ мѣстнымъ учрежденіямъ въ обязанность „въ отношеніи передѣла земли между крестьянами *наблюдать, чтобы къ передѣлу не приступали безъ крайней необходимости*, допуская его только при новой ревизіи или въ случаѣ значительнаго измѣненія числа наличныхъ душъ“. Правда, эти распоряженія относятся къ сравнительно позднему времени, которому предшествовало болѣе полувѣка всякихъ распоряженій и воздѣйствій. Но никакія распоряженія и воздѣйствія никогда не задавались цѣлью ввести въ обычай *частыхъ*, а тѣмъ болѣе *ежегодныхъ* передѣловъ, и потому приведенныя и другія подобныя распоряженія должны быть приняты за несомнѣнныя свидѣтельства существованія такого бытового явленія, которое возникло, существовало и—какъ извѣстно—продолжаетъ существовать независимо или даже вопреки административному воздѣйствію.

Я позволю себѣ теперь сдѣлать одно кажущееся отступленіе и коснуться совершенно особаго, на первый взглядъ, но въ дѣйствительности—имѣющаго тѣсную связь со сказаннымъ вопроса о вліяніи на общинно-земельные распорядки правительственныхъ мѣропріятій въ области податного обложенія. Какъ извѣстно, водвореніе среди государственныхъ и вообще не-крѣпостныхъ крестьянъ общинно-уравни-

[1]) Тамъ же.

[2]) *Ходскій*, Земля и земледѣлецъ, ч. II, стр. 97.

тельныхъ формъ землепользованія представляется сторонникамъ „государственной“ теоріи происхожденія общины результатомъ, главнымъ образомъ, введенія подушной подати,—подобно тому, какъ душевое пользованіе у крѣпостныхъ крестьянъ было введено помѣщиками, чтобы гарантировать болѣе исправное отбываніе крѣпостного тягла. „Спрашивается, однако, говоритъ по этому поводу г-нъ В. В. [1]),—есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частновладѣльческаго владѣнія землею, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей (исчисляемыхъ въ общей суммѣ по числу душъ, занесенныхъ въ ревизскія сказки) производилась внутри общины (тяглой) не по числу душъ, а по количеству владѣемой каждымъ земли,—система, извѣстная населенію по прежней практикѣ. И если вмѣсто упроченія этой системы простого сообразованія платежей каждаго двора съ размѣрами его землевладѣнія (что̀ неоднократно предписывалось администраціею, но оставалось неисполненнымъ) государство громадно усложнило дѣло, потребовавъ, чтобы вмѣстѣ съ переложеніемъ платежей внутри общины съ душъ на землю было произведено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ,—то не произошло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ; что, предписывая передѣлы крестьянскихъ угодій, правительство удовлетворяло не только требованіямъ фиска, но и выяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія“? Эти и сходныя въ существѣ соображенія, высказываемыя г-номъ В. В. по вопросу о вліяніи помѣщичьяго давленія на развитіе формъ душевого пользованія у крѣпостныхъ крестьянъ, мнѣ кажется, чрезвычайно убѣдительны. Какъ было выяснено еще покойнымъ Трироговымъ, подушное обложеніе *податныхъ общинъ* совмѣстимо съ какимъ угодно принципомъ *внутренней раскладки* лежащихъ на общинѣ платежей, въ томъ числѣ и съ раскладкою по фактическому пользованію землею. А между тѣмъ, введеніе (вѣрнѣе—сохраненіе) внутри земельныхъ общинъ раскладки по существовавшему пользованію землею было бы мѣрою не только болѣе простою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ—и гораздо болѣе цѣлесообразною собственно съ финансовой точки зрѣнія, нежели передѣлъ земли на ревизскія души. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, правительство заставило податныя общины разверстывать платежи пропорціонально

[1]) Стр. 5.

существовавшему распредѣленію землевладѣнія, — то этимъ самымъ была бы достигнута разверстка соотвѣтственно *дѣйствительной хозяйственной силѣ*, а слѣдовательно—и *платежной способности* отдѣльныхъ домохозяйствъ, что̀ явилось бы, конечно, лучшею гарантіею исправнаго поступленія платежей. Напротивъ, понуждая податныя общины передѣлять землю, правительство ослабляло широкодачниковъ, т. е. лучшихъ плательщиковъ, и перелагало значительную долю платежей на вновь надѣляемыя землей малоземельныя хозяйства, т. е. на такія платежныя единицы, которымъ еще предстояло обосновать свое благосостояніе на вновь отводившейся имъ въ надѣлъ землѣ и которыхъ хозяйственная будущность, а слѣдовательно—и платежная способность, являлась болѣе или менѣе проблематической и даже сомнительной; сомнительной—потому что самая малоземельность этихъ домохозяйствъ, при наличности простора для новыхъ разработокъ, являлась *не причиною, а слѣдствіемъ* хозяйственной ихъ слабости, причины которой лежали гдѣ-либо внѣ вопроса о размѣрахъ землевладѣнія. Что подушное обложеніе само по себѣ не обусловливаетъ внутренней необходимости въ душевомъ поравненіи земель и не ведетъ за собой, какъ свое естественное слѣдствіе, административнаго воздѣйствія въ пользу передѣла, — это подтверждается, между прочимъ, и „живою исторіею общины“. Въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири (совершенно также впрочемъ, какъ и на сѣверѣ Европейской Россіи) захватныя формы продолжаютъ существовать у крестьянъ, несмотря на вѣковое существованіе подушной подати,—и въ то же время душевыя формы, при наличности извѣстнаго „утѣсненія“, сдѣлали большіе успѣхи среди инородческаго населенія, обложеніе котораго построено на совершенно другихъ началахъ. Стремленіе крестьянскихъ общинъ привести податное бремя въ соотвѣтствіе съ размѣрами пользованія землею выражалось и выражается, пока земли много, *не въ раздѣлѣ угодій пропорціонально платежамъ*, а *въ раскладкѣ платежей пропорціонально посѣвамъ*, *скотоводству*, *вообще благосостоянію*. Административное давленіе, если оно направлялось къ внѣдренію душевого пользованія, оставалось безрезультатнымъ,—а въ Енисейской губерніи это давленіе было даже прямо направлено на измѣненіе платежныхъ раскладокъ въ соотвѣтствіе со сложившимся при захватныхъ формахъ дѣйствительнымъ пользованіемъ землею. Переходъ же къ уравнительно-душевому пользованію совершался только тамъ, гдѣ того требовали общія условія землевладѣнія и главнымъ образомъ—наступившее земельное утѣсненіе,—при чемъ при *такихъ* обстоятельствахъ подушное обло-

женіе, дѣйствительно, являлось однимъ изъ доводовъ, на которые ссылалась требовавшая передѣла часть населенія и которымъ мотивировался передѣлъ въ разныхъ ходатайствахъ и въ общинныхъ постановленіяхъ.

То же самое, несомнѣнно, относится и къ сѣверу Европейской Россіи: если здѣсь, въ податныхъ цѣляхъ, правительство стремилось къ введенію душевого поравненія земель,—то это потому, что стремленіе къ такому поравненію существовало если не среди всей массы, то среди извѣстной части плательщиковъ,—и принимавшіяся въ данномъ направленіи мѣры, несмотря на существованіе подушной системы обложенія, лишь въ томъ случаѣ приводили къ положительнымъ результатамъ, если находили подготовленную почву въ общемъ складѣ земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній.

Мы возвращаемся, такимъ образомъ, къ вопросу о практическихъ послѣдствіяхъ правительственнаго воздѣйствія на формы крестьянскаго землепользованія. И я позволю себѣ спросить, прежде всего, *могло ли* это воздѣйствіе привести къ дѣйствительной ломкѣ? былъ ли, другими словами, правительственный аппаратъ XVIII вѣка достаточно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и—какъ думаютъ—чуждыя ей формы, притомъ въ такихъ существенныхъ основахъ этой жизни, какъ распредѣленіе земли? Вѣдь даже и въ настоящее время, несмотря на всю сложность и сравнительное совершенство современнаго административнаго аппарата, правительственное воздѣйствіе нерѣдко оказывается безсильнымъ бороться съ вытекающими изъ хозяйственной необходимости явленіями народной жизни. Напомню читателю хотя бы о многолѣтней борьбѣ съ переселеніями, которая не смогла предотвратить значительнаго роста числа переселяющихся, тогда какъ современная, благосклонная къ переселенію политика не мѣшаетъ сокращенію его размѣровъ; объ общепризнанномъ фіаско законодательной попытки ограничить семейные раздѣлы, — попытки, которая нисколько не сократила этого явленія, несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ нежелательнаго, но вызывавшагося всею совокупностью новыхъ хозяйственныхъ и бытовыхъ условій, а только поставила раздѣлы въ сугубо неблагопріятныя условія и вызвала разнообразные обходы ограничительнаго закона; о постоянныхъ нарушеніяхъ изданнаго въ 1893 году, тоже ограничительнаго, закона о передѣлахъ, наконецъ о крайне слабомъ вліяніи административнаго воздѣйствія на платежно-земельные порядки въ Сибири. Тѣмъ менѣе было мыслимо серьезное воздѣйствіе, вносящее въ крестьянскую жизнь какія-то но-

выя, измышленныя администраціею начала, въ XVIII вѣкѣ, съ его слабою по составу, продажною, невѣжественною администраціею, которой высшіе представители должны были сознаваться въ своемъ совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми сторонами крестьянской жизни, которыя, будто бы, складывались и перерабатывались благодаря ихъ, именно, воздѣйствію [1]),—и которой низшіе органы, за „золотую молитву“, съ одинаковымъ рвеніемъ поддерживали и сторонниковъ, и противниковъ передѣла. И это—въ особенности въ сѣверныхъ губерніяхъ, съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ, разбросаннымъ среди дремучихъ лѣсовъ, самая изолированность котораго отнимала у разнаго рода „воздѣйствій“ почти всякое практическое значеніе. И дѣйствительно. Въ работѣ, напримѣръ, г-на В. В. [2]) приводятся многочисленные случаи, когда крестьяне, несмотря на всѣ предписанія и настоянія, оставались при старыхъ захватныхъ формахъ, не производили предписывавшагося имъ поравненія, и когда, въ концѣ концовъ, администрація отмѣняла свои распоряженія, пріостанавливала насильственно-навязанный передѣлъ и санкціонировала сохраненіе старыхъ, захватныхъ формъ пользованія землею. Чтобы не удлинять изложенія, я не буду цитировать здѣсь этого рода фактовъ. Приведу только одинъ любопытный случай изъ исторіи четвертныхъ крестьянъ, сообщаемый г. Благовѣщенскимъ на основаніи, впрочемъ, не документальныхъ разысканій, а данныхъ мѣстнаго изслѣдованія,—именно случай, когда административное воздѣйствіе въ пользу передѣла не только не имѣло положительныхъ послѣдствій, но напротивъ—привело къ діаметрально противуположному результату. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ четвертныхъ селеній Фатежскаго уѣзда (въ которомъ вообще, несмотря на всѣ воздѣйствія, ни одна четвертная община не перешла къ душевому поравненію), гдѣ сѣнокосы раньше состояли въ душевомъ пользованіи, послѣ же посѣщенія чиновника, посланнаго пропагандировать душевой раздѣлъ, крестьяне „убоялись и стали косить по дворамъ“ [3]). И это—въ то время, какъ въ Суджанскомъ уѣздѣ несочувствовавшій душевому пользованію „окружной“ оказался „почти безсильнымъ пресѣчь дѣйствіе циркуляра“, разъяснявшаго право четвертниковъ переходить къ душевому поль-

---

[1]) *В. В.*, назв. соч., стр. 76, 81, 83; *Семевскій*, стр. 55, 58, 635.

[2]) Стр. 5, 10, 29, 31—32, 36, 45, 50, 57, 68, 119, 125, 133—135.

[3]) Назв. соч., стр. 235.

зованію: „все, что онъ могъ дѣлать въ данномъ случаѣ—исчерпывалось совѣтами и кое-какими препятствіями и проволочками“ [1]).

Почему же, спрашивается, правительственное воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ, дѣйствительно, приводило къ осуществленію передѣловъ, въ другихъ — разбивалось объ упорное сопротивленіе крестьянъ? Отвѣтъ ясенъ: оно осуществлялось тамъ, гдѣ среди общины, или точнѣе среди достаточно многочисленной и вліятельной группы общественниковъ, „выработалось міровоззрѣніе, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить ее, какъ ему угодно“,—гдѣ поэтому „достаточно было незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней формы землевладѣнія рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ“,—гдѣ та или другая „бумага“ должна была сыграть только роль „искры, упавшей на порохъ“ [2]),—гдѣ на осуществленіи передѣла настаивали малоземельные крестьяне, обращавшіеся съ жалобами по начальству [3]). И всякія приказанія или циркуляры оставались мертвою буквою—я говорю, конечно, о правилѣ, а не о случайныхъ исключеніяхъ—когда „община не доразвилась до извѣстной ступени, такъ сказать предусмотрѣнной законами эволюціи“ [4]),—когда „идея уравнительнаго раздѣла земель еще не достаточно назрѣла“,—когда „не находилось такихъ малоземельныхъ селеній [въ данной цитатѣ рѣчь идетъ о междуселенномъ или волостномъ передѣлѣ. А. К.], которыя требовали бы уравненія съ селеніями многоземельными, и потому естественное желаніе послѣднихъ сохранить за собою старыя владѣнія легко могло получить удовлетвореніе“ [5]); когда, наконецъ, сторонники передѣла „подчинялись общему рѣшенію (противниковъ)“, объясняя, что „о раздѣлѣ земли они имѣли просьбы въ теченіе 10 лѣтъ, но не видѣли между собою спокойствія, кромѣ одного на другого вчиняемыхъ исковъ“ [6]),—другими словами, когда нужда въ землѣ была еще не достаточно остра и потому сторонники передѣла готовы были ради устраненія распрей и тяжбъ пожертвовать своими земельными интересами. И уже въ знаменитыхъ статьяхъ Б. Н. Чичерина, признаннаго родоначальника „государственной“ теоріи происхожденія русской общины, мы находимъ указанія на первопричину, обусловливавшую въ

---

[1]) Стр. 138.
[2]) *Благовѣщенскій*, стр. 137—8.
[3]) *В. В.*, стр. 58.
[4]) *Благовѣщенскій*, стр. 130.
[5]) *В. В.*, стр. 125.
[6]) То же, стр. 32.

однихъ случаяхъ одно, въ другихъ—другое отношеніе общинъ къ вопросу о передѣлѣ. „Передѣлъ земли—говоритъ Чичеринъ [1])—можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній. Но въ то время—рѣчь идетъ о XVI вѣкѣ—земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили съ мѣста, но постоянно переходили съ мѣста на мѣсто,—какъ же тутъ образоваться передѣлу“? Но „съ умноженіемъ населенія въ общинѣ—говоритъ Б. Н. Чичеринъ въ другомъ мѣстѣ [2])—при невозможности [а также — добавлю отъ себя—при затруднительности или невыгодности. А. К.] перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство; слѣдовательно, для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія необходимъ былъ передѣлъ земель; это сдѣлать было легко, ибо земля принадлежала казнѣ или частному лицу, а крестьяне были только временные владѣльцы, укрѣпленные на ней для государственной пользы“. Такимъ образомъ, передѣлъ, который, по очевидно справедливому мнѣнію Чичерина, былъ совершенно несовмѣстимъ съ условіями населенности и землевладѣнія въ XVI вѣкѣ, представляется этому ученому совершенно естественнымъ и даже необходимымъ при умноженіи населенія [3]). Сгущеніе населенія и сокращеніе земельнаго простора подготовляетъ ту почву, на которой назрѣваетъ передѣлъ; оно увеличиваетъ число недовольныхъ, настаивающихъ на передѣлѣ, и отнимаетъ сильнѣйшую опору отъ притязаній широкодачниковъ [4]).

Вопросъ, такимъ образомъ, только въ томъ, существовала ли на сѣверѣ Европейской Россіи, въ эпоху межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними правительственныхъ распоряженій, направленныхъ къ водворенію общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія, готовая почва для развитія и упроченія этихъ формъ? въ частности, можно ли предполагать, что русскій сѣверъ въ то время достигъ той степени населенности и земельнаго утѣсненія, на которой возникшее земельное неравенство можетъ быть устранено лишь посредствомъ передѣла? И здѣсь я позволю себѣ довольно рѣшительно разойтись съ мнѣніемъ г-на В. В. По мнѣнію этого автора [5]), въ сѣверныхъ гу-

---

[1]) „Опыты“, стр. 99.

[2]) Тоже, стр. 44.

[3]) Сходныя указанія находимъ, напримѣръ, у г. *Семевскаго*—стр. 648, и у г. *В. В.*—стр. 4, 63, 72, 143.

[4]) См. мою „Крестьянскую общину въ Сибири“, стр. 65—67.

[5]) Назв. соч., стр. 7.

берніяхъ Европейской Россіи, и въ частности—въ удѣльныхъ владѣніяхъ, „благодаря размноженію населенія уже ясно почувствовалось утѣсненіе въ землѣ и настало время регулированія, въ интересахъ всѣхъ, пользованія ею". Мнѣ кажется напротивъ, что совокупность приводимыхъ уважаемымъ авторомъ данныхъ способна привести скорѣе къ противоположному заключенію. Какъ констатируетъ г-нъ В. В. на той же страницѣ, сѣверная община „оказалась не въ силахъ сама справиться со всѣми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли". Потребовалось, чтобы устранить эти препятствія, вмѣшательство правительственной власти. И это вмѣшательство не было для данной мѣстности и въ данную эпоху незначительнымъ толчкомъ, заставляющимъ рушиться уже шатающееся зданіе, не было маленькою искрою, производящею взрывъ накопившагося горючаго вещества. Чтобъ добиться осуществленія передѣловъ, правительству пришлось прибѣгнуть къ усиленнымъ давленіямъ и настояніямъ,—но даже и эти настоянія во многихъ случаяхъ, вѣроятно въ большинствѣ, остались болѣе или менѣе безрезультатными; остались безрезультатными именно потому, что въ средѣ самихъ общинъ, какъ видно и изъ данныхъ г-на В. В., еще не достаточно созрѣло убѣжденіе въ необходимости передѣла, — что внутри ихъ не было налицо тѣхъ многочисленныхъ и вліятельныхъ элементовъ, которые были бы достаточно заинтересованы во введеніи передѣловъ и достаточно сильны, чтобы добиться ихъ осуществленія. Воздѣйствіе правительственной власти въ пользу передѣловъ, въ данномъ районѣ и въ данную эпоху, было *преждевременнымъ*, такъ какъ земельный просторъ былъ здѣсь еще достаточно великъ, и потому захватныя формы землепользованія еще не утратили своего законнаго права на существованіе. Исторія землевладѣнія на нашемъ сѣверѣ является поэтому не доказательствомъ творческой роли административнаго воздѣйствія, а скорѣе доказательствомъ его безсилія, гдѣ оно не находило подготовленной почвы во внутренней эволюціи формъ пользованія землею. Вѣдь даже и по настоящее время захватныя формы, несмотря на межевыя инструкціи и на всѣ послѣдующія правительственныя воздѣйствія, весьма распространены, если не господствуютъ на сѣверѣ Россіи; еще въ 70-хъ годахъ настоящаго столѣтія сѣнокосныя расчистки въ среднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, какъ знаютъ читатели изъ работъ Соколовскаго, Щепотьева, Лалоша, вводились въ крестьянскіе надѣлы въ качествѣ участковъ подворнаго владѣнія, а на сѣверо-востокѣ этой

губерніи захватъ сохранился въ совершенно чистомъ видѣ и до нашихъ дней [1]).

Я лично, поэтому, въ значительной мѣрѣ склоненъ думать, что на сѣверѣ Европейской Россіи межевыя инструкціи и другія проявленія правительственнаго воздѣйствія въ пользу передѣловъ были дѣйствительно, какъ выражается А. Я. Ефименко, „декретами конвента“,— что это воздѣйствіе *здѣсь* было, въ видѣ общаго правила, не менѣе преждевременно, нежели циркуляры 80-хъ годовъ XIX столѣтія—гдѣ нибудь въ Иркутской или Енисейской губерніяхъ. Но изъ этого, мнѣ кажется, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы *русская община, вообще*, была продуктомъ государственнаго воздѣйствія на народную жизнь. Такой, по моему убѣжденію, ошибочный выводъ, какъ и вообще „существующія въ нашей литературѣ разногласія по вопросу о происхожденіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи обусловливаются, по справедливому мнѣнію г-на В. В. [2]), главнымъ образомъ крайнимъ недостаткомъ относящагося сюда фактическаго матеріала“. И при томъ, матеріалъ этотъ, по самому существу дѣла, какъ тщательно ни изучаются и ни будутъ изучаться разные архивы, неизбѣжно будетъ чрезвычайно одностороннимъ и необходимо будетъ, поэтому, давать не только *неполное*, но и *неправильное*, однобокое представленіе о дѣйствительномъ ходѣ эволюціи формъ русскаго крестьянскаго землевладѣнія.

Нѣкоторые намеки въ этомъ смыслѣ мы можемъ найти, между прочимъ, въ такъ много использованной мною работѣ г-на В. В. объ удѣльныхъ крестьянахъ [3]). „Наши свѣдѣнія—говоритъ г. В. В.—о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно срединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что *возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстѣ и не восходили на разсмотрѣніе* [4]) департамента удѣловъ“. Г-нъ В. В. указываетъ затѣмъ на то, что его матеріалы, изобилуя данными о междуселенныхъ

---

[1]) Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, г-нъ Рума, еще въ 1902 году описываетъ „подворное землепользованіе“ (вѣрнѣе—захватное!), какъ еще преобладающую форму для Усть-Сысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи (*Рума*, „Къ вопросу о колониз. пригодности Лѣтск. и Ношульск. лѣсничествъ, Усть-Сысольскаго уѣзда“. Пермь 1902, стр. 92—94).

[2]) Назв. соч., стр. 7.

[3]) Стр. 43, 75, 104, 106, 160.

[4]) Курсивы мои. А. К.

уравненіяхъ, „весьма бѣдны свѣдѣніями относительно разверстки земли между хозяевами одного селенія; причины сказаннаго—говоритъ онъ—надлежитъ видѣть *въ мирномъ характерѣ этого акта, въ отсутствіи такихъ споровъ и недоразумѣній, которыя требовали бы вмѣшательства администраціи*". Обобщая сказанное: *при мирномъ, спокойномъ теченіи эволюціи формъ крестьянскаго землепользованія, отдѣльные моменты этой эволюціи не оставляютъ документальныхъ слѣдовъ,—и эти послѣдніе возникаютъ лишь тогда, когда явились затрудненія или недоразумѣнія, требующія вмѣшательства правительственной власти.*

Въ самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, земельно-податные порядки внутри общинъ поставлены подъ извѣстный контроль правительства. Приговоры о раскладкахъ и передѣлахъ должны записываться въ особыя книги, имѣющіяся въ волостныхъ правленіяхъ, и требуютъ утвержденія земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ или равнозначущихъ имъ учрежденій; правительственный надзоръ стоитъ гораздо ближе къ крестьянской жизни, гораздо чаще такъ или иначе въ нее вмѣшивается, вмѣшательство это гораздо чаще оставляетъ какіе-либо бумажные слѣды, нежели это могло быть сто или полтораста лѣтъ тому назадъ. И тѣмъ не менѣе „живая исторія общины", если бы она писалась на основаніи одного только документальнаго матеріала, дала бы совершенно превратное представленіе о ходѣ эволюціи формъ землепользованія на нашихъ окраинахъ: историкъ, оперирующій надъ одними только документами, едва-ли могъ бы избѣжать серьезныхъ ошибокъ въ пониманіи смысла самихъ документовъ (примѣръ—переуступочные акты!), и принималъ бы за дѣйствительность все то, что было только фикціей; онъ ничего не зналъ бы о тѣхъ случаяхъ, когда писавшіеся приговоры оставались безъ исполненія или исполнялись не такъ, какъ они были написаны; ничего не зналъ бы о тѣхъ процессахъ постепенной эволюціи формъ пользованія угодьями, которые являются нормальнымъ типомъ перехода отъ захватныхъ формъ къ уравнительно-душевому владѣнію, и вообще о всѣхъ тѣхъ проявленіяхъ общиннаго начала, которыя совершаются безъ всякаго письменнаго постановленія, вообще не оставляютъ послѣ себя никакого документальнаго слѣда. И если бы ему случайно удалось найти въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ или въ дѣлопроизводствѣ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій указанія на тяжбы и недоразумѣнія, проистекшія изъ столкновенія вымирающаго захватнаго начала съ наростающимъ общинно-уравнительнымъ,—то ему пришлось

бы либо оставаться въ совершенномъ недоумѣніи относительно дѣйствительнаго смысла документальныхъ указаній, либо, можетъ быть, понять ихъ совершенно не соотвѣтственно ихъ настоящему значенію. *Лишь интерполируя сравнительно бѣдныя и не всегда ясныя указанія документовъ въ тѣ богатые ряды фактовъ, которые добыты путемъ мѣстнаго разспроснаго изслѣдованія,* — другими словами, интерпретируя показанія документовъ свидѣтельствами источниковъ повѣствовательнаго характера, *изслѣдователь „живой исторіи общины" получилъ возможность построить болѣе или менѣе полную картину эволюціи формъ землепользованія,*—картину, совершенно не похожую на тѣ контуры, которые было бы возможно набросать на основаніи одного лишь документальнаго матеріала.

Все сказанное, кажется мнѣ, примѣнимо и къ *настоящей* исторіи общины въ Европейской Россіи. Я оставляю совершенно въ сторонѣ вопросъ, *были ли,* или нѣтъ, въ XVI или XVII столѣтіи передѣлы пахатныхъ земель; существовали ли въ то время, или нѣтъ ежегодные передѣлы сѣнокосныхъ угодій; какъ происходилъ—если происходилъ—независимый отъ административнаго воздѣйствія переходъ отъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительнымъ, и какое мѣсто въ естественномъ процессѣ развитія формъ землепользованія должно быть отведено долевой или складнической формѣ владѣнія, такъ хорошо изученной, по документамъ, у крестьянъ архангельскаго и вологодскаго полѣсья [1]). Меня занимаетъ въ данную минуту только вопросъ: *можетъ ли знать о такихъ фактахъ* — если они были — *оперирующій съ одними документами историкъ?* можно ли надѣяться возстановить, по докумен-

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что долевое владѣніе вполнѣ свободно умѣщается въ схемѣ естественнаго, не предполагающаго никакого давленія со стороны, развитія формъ землепользованія. Въ извѣстной работѣ М. М. Ковалевскаго, посвященной главнымъ образомъ общинному землевладѣнію въ Индіи, показывается, какъ „индивидуальные надѣлы перестаютъ зависѣть въ своемъ протяженіи отъ близости ихъ владѣльцевъ къ общему родоначальнику; бо́льшій или меньшій размѣръ ихъ опредѣляется теперь тѣмъ, какъ велико пространство земли, подвергаемое фактической обработкѣ тѣмъ или другимъ семействомъ [трудовой захватъ! А. К.]"; какъ затѣмъ „неравномѣрность надѣловъ подаетъ поводъ къ спорамъ между членами общинъ,—спорамъ, въ которыхъ одни стоятъ за существующую нарѣзку, другіе требуютъ передѣла",—при чемъ „люди, требующіе передѣла, стоятъ за равномѣрность участковъ и одинаково враждебны какъ системѣ опредѣляемыхъ наслѣдственнымъ правомъ надѣловъ, такъ и системѣ санкціонированнаго фактическаго владѣнія" (*М. М. Ковалевскій.* Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Часть первая, М. 1879, стр. 80—81).

тамъ, *дѣйствительный* видъ и *дѣйствительную* эволюцію формъ землепользованія въ XVI, XVII или XVIII вѣкѣ? И отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть, по моему крайнему разумѣнію, отрицательный. Документъ, при отсутствіи на этотъ счетъ, въ тѣ отдаленныя времена, какихъ-либо опредѣленныхъ требованій закона, при болѣе или менѣе поголовной безграмотности, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться непремѣннымъ спутникомъ даже коренного передѣла пахатныхъ земель, который чаще всего происходилъ, вѣроятно, какъ происходитъ иногда и посейчасъ, по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію общественниковъ. Лишь въ видѣ исключенія—разъ только передѣлъ обошелся безъ вмѣшательства правительственной власти—отъ него могъ остаться какой-либо документальный слѣдъ, и потому отсутствіе такого слѣда ни въ какомъ случаѣ не можетъ разсматриваться какъ доказательство отсутствія факта передѣла. Если даже слѣдъ остался и сохранился до нашего времени, то документъ, говоря словами Бернгейма, и не преслѣдовалъ вѣдь цѣли быть понятнымъ во всѣ будущія времена, — и потому свидѣтельства документовъ—какъ мы это видимъ на примѣрѣ актовъ, используемыхъ Соколовскимъ и другими авторами—допускаютъ самое разнообразное пониманіе и истолкованіе. И уже окончательно не могли оставить документальнаго слѣда такіе факты внутриобщинной жизни, какъ ежегодный передѣлъ покосовъ, какъ въ особенности тѣ отводы, отрѣзки и прирѣзки, при помощи которыхъ скорѣе всего могъ совершаться—если, повторяю, совершался—естественный переходъ отъ чистаго захвата къ душевому пользованію, или какъ еще труднѣе уловимыя переходныя формы отъ вольнаго пользованія къ ежегодному передѣлу—явленія, которыя и въ настоящее время протекаютъ, не оставляя послѣ себя никакого документальнаго слѣда.

„Старинные кодексы—говоритъ М. М. Ковалевскій [1]), разбирая вопросъ о значеніи источниковъ исторіи индійской общины—являются скорѣе сборниками религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, нежели сводомъ всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ и формъ. *Ихъ цѣль—не столько кодифицировать обычное право, сколько свести воедино массу измѣненій, внесенныхъ въ него верховною властью подъ вліяніемъ требованій, предъявляемыхъ ей привилегированными сословіями и въ числѣ ихъ прежде всего духовенствомъ* [2]). При такихъ

[1]) Назв. соч., стр. 72.

[2]) Курсивы мои. А. К.

условіяхъ—заключаетъ г. Ковалевскій—неудивительно, если *повседневныя явленія общественной жизни менѣе всего останавливаютъ на себѣ вниманіе законодателей, и регулирующіе ихъ обычаи не входятъ вовсе въ составляемые ими своды, продолжая жить по прежнему въ внутреннихъ распорядкахъ отдѣльныхъ общинъ, родовъ и семей*". Mutatis mutandis, сказанное примѣнимо и къ документальнымъ источникамъ изученія исторіи русской общины. Нормальная жизнь шла, опредѣляясь обычаемъ и не оставляя послѣ себя, въ видѣ правила, никакого документальнаго слѣда; лишь случайно, при такомъ ходѣ вещей, появлялся письменный слѣдъ, въ видѣ записи писца или иного официальнаго акта, да и то—„не предназначеннаго для пониманія во всѣ будущія времена". Документъ возникалъ именно тогда, когда нормальное развитіе „внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ общинъ, родовъ и семей" осложнялось какимъ-либо вмѣшательствомъ правительственной власти: когда эта власть, по собственной иниціативѣ (напримѣръ, въ податныхъ цѣляхъ), находила необходимымъ повліять на внутриобщинныя отношенія, или когда къ ея помощи обращались, изъ среды общины, отдѣльныя лица или группы лицъ, недовольныя распоряженіями общины, либо наоборотъ—не имѣвшія способа добиться отъ нея удовлетворенія своихъ притязаній. И если не всегда, то весьма часто, вмѣшательство правительственной власти въ дѣла русской земельной общины вызывалось—какъ и появленіе тѣхъ или иныхъ статей въ индійскихъ кодексахъ—требованіями юридически-привилегированныхъ сословій или фактически-привилегированнаго, въ силу своей зажиточности, меньшинства деревенскаго населенія: правительственная власть вмѣшивалась, либо чтобы оградить обширные захваты зажиточныхъ противниковъ передѣла, либо чтобы отстоять интересы представителей духовнаго или городского класса, церквей и монастырей, пріобрѣвшихъ путемъ покупки, завѣщанія или даренія освоенную отдѣльными общественниками землю. Такъ или иначе,—во всякомъ случаѣ, письменный документъ только потому и существуетъ, что, въ данномъ случаѣ, имѣло мѣсто либо обращеніе къ правительственной власти, либо непосредственное ея вмѣшательство въ общинные распорядки; происходили ли въ общинѣ, или нѣтъ какія-либо событія, *не* вызванныя вмѣшательствомъ администраціи или суда и въ свою очередь его не вызывавшія,—во всякомъ случаѣ такія событія, въ видѣ правила, *не могли* оставить документальныхъ слѣдовъ, и потому отсутствіе такихъ слѣдовъ не можетъ служить доказательствомъ ни существованія, ни несуществованія соотвѣтствующихъ событій; эти послѣднія остаются *не до-*

казанными, но они и *не опровергаются* отсутствіемъ документовъ. Событія, происходящія внутри общины, помимо правительственнаго вмѣшательства, могли бы быть изучаемы лишь на основаніи данныхъ исторической традиціи,—и только данныя, полученныя изъ источниковъ этой категоріи, могли бы выяснить истинный характеръ тѣхъ явленій, къ которымъ относится документальный матеріалъ, уяснить ихъ жизненную, бытовую обстановку, помочь историку пополнить пробѣлы документальнаго матеріала и отдѣлить дѣйствительные факты отъ документальныхъ фикцій. Но если не считать немногихъ, отрывочныхъ и не всегда ясныхъ, показаній, исторія формъ крестьянскаго землевладѣнія пока не располагаетъ такого рода матеріаломъ. И пока она имъ не располагаетъ, всякія дальнѣйшія изслѣдованія, какъ бы ни были велики запасы могущихъ еще быть найденными документовъ, неизбѣжно будутъ давать неполные, а главное—односторонніе результаты.

Въ задачу мою въ данное время не входитъ подробно излагать, а тѣмъ болѣе—мотивировать мой личный взглядъ на происхожденіе русскаго общиннаго землевладѣнія и землепользованія. Скажу лишь кратко, что какъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи, имѣвшіе дѣло, непосредственно, съ „живою исторіею общины“—съ новѣйшею исторіею формъ землепользованія у крестьянъ многоземельныхъ окраинъ, а также у инородческаго населенія Азіатской Россіи, я склоненъ видѣть въ общинноуравнительныхъ формахъ продуктъ нѣкоторой естественной эволюціи, результатъ извѣстныхъ процессовъ, происходившихъ внутри самой общины, подъ вліяніемъ прогрессирующаго земельнаго утѣсненія,—хотя не отрицаю и того, что такіе внѣшніе факторы, какъ воздѣйствіе помѣщиковъ или администраціи, какъ вліяніе податной системы, какъ способы межеванія земель, могли до извѣстной степени ускорить эту эволюцію. Благодаря этимъ воздѣйствіямъ, община—какъ формулируетъ А. С. Лаппо-Данилевскій [1])—„сложилась скорѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, если бы она была предоставлена вполнѣ самостоятельному развитію“,—хотя я лично склоненъ думать, что даже это ускореніе—если имѣть въ виду не отдѣльные случаи, а общій темпъ массовой эволюціи—не могло быть особенно значительнымъ. Но въ данномъ случаѣ меня интересовалъ по преимуществу методологическій вопросъ. Мнѣ хотѣлось доказать, что „крѣпостной“ или „государственный“ взглядъ на происхожденіе общины

[1]) Назв. соч., стр. 78; В. В., стр. 5; *Соколовскій*, стр. 93.

имѣетъ свой источникъ въ свойствѣ тѣхъ матеріаловъ, съ которыми болѣе или менѣе исключительно оперируютъ историки,— именно въ вытекающей изъ самаго существа дѣла односторонности и неспособности ихъ воплотить всю ту совокупность совершающихся внутри общины явленій и процессовъ, въ которой, по моему убѣжденію, заключается сущность эволюціи формъ крестьянскаго землепользованія. Можетъ ли въ данномъ случаѣ помочь рекомендуемый М. М. Ковалевскимъ [1]) „методъ переживаній“? Нужно ли изслѣдователю, чтобы пополнить пробѣлы, оставляемые документальными источниками, „обратиться къ изученію дѣйствующихъ въ его время обычаевъ и обрядовъ съ цѣлью найти въ нихъ какіе-нибудь слѣды исторической старины“ [2])? Говоря конкретнѣе, можетъ ли исторія русской общины извлечь пользу изъ сопоставленія документальныхъ данныхъ съ положительными фактами „живой исторіи“? Я затрудняюсь вполнѣ категорически отвѣтить на этотъ вопросъ. Лично мнѣ, опять-таки, думается, что сходство, во многомъ, общихъ условій современнаго быта и хозяйства населенія нашихъ окраинъ съ хозяйствомъ и бытомъ крестьянъ Европейской Россіи за сто или за нѣсколько сотъ лѣтъ создаетъ благодарную почву для всякаго рода аналогій въ области формъ землевладѣнія и землепользованія. Но, конечно, основанныя на такихъ аналогіяхъ заключенія всегда будутъ шаткими и малоубѣдительными для изслѣдователей, не предрасположенныхъ принять теорію самопроизвольнаго, такъ сказать, развитія формъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія...

---

[1]) Назв. соч., стр. 73.

[2]) Эта же, въ существѣ, мысль была высказана мною въ предисловіи къ моей „Крест. общинѣ въ Сибири“, стр. I.

Mar. 7
8 p.
818/KC
4564
6
2 p

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00038820990